Три года
революции и гражданской войны
на Кубани

II.



На Кубани под Екатеринодаром. 1920 г.

Кравченко (налево); **Д. Е. Скобцов** (в центре) и станичник делегат.

Д. Е. СКОБЦОВ

Три года революции и гражданской войны на Кубани

II.

ПАРИЖ

ГЛАВА I.

Атаман А. П. Филимонов, прошедший через проверку своего мандата в Раде, был «нашим кандидатом» (принятым, правда, скрепя сердце).

От него в полной степени зависел первый шаг по составлению Краевого Правительства.

Но у прежнего председателя правительства Л. Л. Быча остались солидные резервы: возглавление заграничной делегации с самостоятельным бюджетом (миллион рублей, около 30 000 фунт. стерлингов по тогдашнему курсу); несомненное влияние в законодательной раде, куда прошел весь цвет черноморской группы; Президиум Краевой Рады возглавлялся верным человеком Н. С. Рябоволом.

Перспектива новой встречи в Раде наших казачьих группировок отнюдь не гарантировала новому Линейскому Правительству спокойной созидательной работы. Было, однако, естественным предположение авось де, для общего блага, будет возможно договориться о распределении сил и вместо борьбы наладить какую-то систему сотрудничества...

Осматриваясь теперь назад, передумывая пережитое, учитывая, наконец, многие факты последующего времени, откровенные заявления наших земляков из среды «черноморцев» уже в эмиграции, начинаешь понимать всю тщетность своих тогдашних надежд. В этом отношении еще и еще раз следует обратить внимание на зависимость нашей кубанской политической жизни от того, что происходило на Украине, по каким зигзагам направлялась кривая петлюровского делания «незалежной» украинской державности. Был также огляд на Закавказье, на Дагестан, Чечню и пр. Наши «черноморцы», в силу ложно понятых ими задач национальностей и народностей, были типичными делателями государственного развала и распада.

Россия — тюрьма народов... Россия умерла, ее нет... Большевики — специальное явление велико-русской державности и

выношенности русско-татарского облика... Государство строить следует на новой почве по новому и именно там, где некогда оно начиналось на почве Киевской Руси...

Вывихнутая психология...

Но трудно было тогда делать столь безнадежные выводы.

Наоборот, еще держалась вера, что общая противобольшевистская настроенность, общая склонность к демократическому решению очередных вопросов политики может обеспечить сотрудничество обоих кубанских группировок на пользу Края и государственности к преодолению общими усилиями раздражающей консервативности делателей добровольческой действительности — Драгомирова, Лукомского и их вдохновителей Шульгина, Львова, Соколова и пр.

Слова и формулы добровольческих верхов на их низах оборачивались неприкровенной практикой притеснений и насилий, иногда грубой расправы. Наша позиция была несомненно объективно-правильной. Но мы переоценивали значение именно этой объективной правильности своей позиции.

В действительности мы были лишь тонкой прослойкой между порывающими с российской государственностью черноморскими украинцами и устремляющимися к реставрации ее старых изжитых форм добровольцами. Мы не дооценивали силы увлечений и тех и других. Мы даже думали, что, оставаясь на Кубанской почве, мы могли бы получить мандат от своих черноморцев для защиты дела демократии и краевой свободы самоуправления, а, исходя из идеи единства государственного, мы могли бы успешно противостоять «реставрационным» крайностям добровольчества.

На самом деле, ни черноморцы давать нам этого мандата не хотели, ни добровольцы не обнаруживали склонности понять и принять в расчет нашу позицию.

Мы начинали новый организационный этап в положении междуемочной фракции, с опасностью для нее быть затертой двумя другими.

Выборы Президиума Законодательной Рады.

Первое, что было произведено в порядке организационном после Краевой Рады — это выборы Президиума Законодательной Рады. Группа линейцев могла бы, может быть, расчитывать собрать здесь большинство, правда, достаточно зыбкое. За ее кандидатов могли бы голосовать депутаты группы иногородних, а также многие из горской фракции. Решено было здесь же по началу сделать уступку черноморцам: атаман-линеец, вероятный кандидат в председатели правительства — линеец, пусть будет их председатель Рады с тем, что старший товарищ председателя будет наш. Место другого товарища председателя решено было отдать горцам, а два секретарских места распределено между иногородними лицами,

в компенсацию за черноморского председателя. С значительной долей вероятности мы могли допускать, что наиболее активная часть нашей группы должна будет уйти в правительство, следовательно, не будет в состоянии посвящать радянской работе много сил. Одним словом, мы с первых же шагов решили показать нашу готовность начинать не с борьбы, а с мирных предложений.

Черноморцы как-будто приняли наше предложение. Но сразу по какому-то расчету вместо Рябовола, достаточно для нас неожиданно выдвинули кандидатом в председатели Законодательной Рады самого Быча и будто бы даже обиженный невниманием Н. С. Рябовол удалился из собрания их фракции. Все это для нас как-будто к лучшему. Но почему только Быч идет в председатели?.. В каком же положении будет делегация Краевой Рады в Европу?..

Пока что решено было снова без спора принять эту кандидатуру и демонстрировать единство кубанцев при выборах Президиума Законодательной Рады. Но раз Быч пошел в председатели, наша группа решила послать меня в старшие товарищи председателя; в секретари — М. А. Траценко; товарищем председателя от горцев шел неизменный Султан-Шахим-Гирей, а в секретари от иногородних мы совместно с ними наметили Коробьина.

Председателя и его товарищей выбрали, как условились. Быч, я и Султан-Гирей получили, приблизительно, по равному количеству голосов, из товарищей я больше, нежели горский кандидат. Но уже при избрании секретарей коалиция дала трещину. Черноморцы довольно скупо положили шары прямому линейскому кандидату Траценко и совсем не дали голосов линейско-иногороднему кандидату Коробьину. Он не добрал одного-двух шаров.

Черноморцы, таким образом, убивали сразу двух зайцев. Давали почувствовать свою силу фракции иногородних и, в частности, ее лидеру Коробьину, с которым к тому же сводили старые счеты за занятую им позицию во время заседаний согласительной, достопамятной Кубанско-Добровольческой комиссии. (См. «Три Года», ч. I, гл. XXXX, стр. 198-201).

Вторым секретарем был избран линеец А. А. Рябцев.

Таким образом, мы с Л. Л. Бычем снова оказались членами одной и той же коллегии, но было ясно, что наш президиум недолговечный: в президиуме ни Быч, ни я не могли быть активными, или даже вообще не могли остаться в президиуме — ему нужно ехать заграницу, мне, по всей вероятности, придется войти в правительство.

Но на всякий случай позиции были заняты.

Составление Правительства оказалось довольно длительным. Разрешение этой задачи Атаман начал с того, что пригласил к себе на совещание вновь избранный президиум Законодательной Рады, а также вожаков радянских групп.

Войсковой Атаман предложил прежде всего принять обязанно-

сти председателя Правительства Л. Л. Бычу. Тот отказался, указывая при этом, что хотя в раде при выборах президиума он собрал большинство, но это явилось лишь результатом сговора. При выборах атамана выяснилось большинство явно в пользу другой группы и по общему ходу дела председатель правительства должен быть из числа членов группы победительницы на атаманских выборах.

Мнение Быча поддержали Рябовол, Бескровный, Султан-Шахим-Гирей и др. и вообще это мнение оказалось общим у группы черноморцев. Поэтому, когда атаман сделал еще попытку предложить пост председателя К. А. Бескровному, то и он отказался. Все они при этом заверяли, что их группа во всяком случае не будет занимать позицию борьбы с возможным линейским правительством, как с таковым, а будет судить его за его программу и за его деятельность. Предложение коалиции они также отклонили.

Атаман обратился тогда к Ф. С. Сушкову с предложением возглавить правительство. Тот сначала отказался, но когда и я отклонил сделанное Атаманом предложение мне, Атаман с большей настойчивостью попросил Сушкова не отказываться, то последний согласился. Ему удалось при этом в определенной форме разрешить вопрос именно о казачьей коалиции. В его правительство вошли пять казаков — линейцев (Сушков Ф. С., Успенский Н. М., Подольский И. С., Скобцов Д. Е. и три природных черноморца (Скидан В. В., Науменко В. Г., Верещака Я. О.), вошли двое иногородних (Долгополов Н. С. и Трусковский А. А.) и, наконец, один горец Натырбов К. Г. С точки зрения черноморской здесь уязвленность казачьей коалиции заключалась в том, что наши коллеги черноморцы по происхождению были из старейших черноморских фамилий, но держались крепко общероссийской ориентации.

В смысле общей квалификации по подготовленности к той работе, к какой призывались эти люди, — четверо из них уже бывали и до этого членами правительства. Об остальных (за исключением И. С. Подольского, узкого специалиста в своей области — пути сообщения) можно сказать, что все они занимали на Кубани то или другое видное положение и имели в Крае широкую известность, десять — были с высшим образованием, из них двое — генералы Науменко и Успенский — с высшим военным образованием.

В смысле общественного и образовательного стажа члены правительства по местным условиям являлись высоко-квалифицированными работниками.

Но при формировании правительства мы не обратили должного внимания на необходимость сохранения постоянной непосредственной связи с законодательной радой. Страны со старым парламентским режимом знают институт министров для постоянного

присутствования в палатах, еще институт «партийных загонщиков» и пр.

Мы же ослабили себя в президиуме тем, что мне, с назначением членом правительства, пришлось оставить пост товарища председателя Рады.

Руководителем нашей парламентской фракции оказался первый секретарь Рады, М. А. Траценко, человек глубоко преданный демократии и российской государственности, человек большой воли, не плохой оратор, но по некоторым особенностям характера мало приспособленный к работе по объединению вокруг себя наших парламентариев. И еще: мы не обратили внимание на установление более близкой связи с родственной по общероссийской ориентации фракцией иногородних, а также со смежными с нами членами горской фракции.

Мы предоставили собственному течению развитие взаимоотношений с теми и другими, забывая, что реальные люди нуждаются в постоянных связях с центром, к поддержке коего они привлекаются.

Уйдя в правительство и втянувшись потом в ведомственную работу, мы оторвались от депутатской массы.

И еще одно. На власть свою мы смотрели, как на очень трудную и ответственную задачу, и верили, что и другие так же на нее смотрят, и делали отсюда вывод, что, когда кто иной подойдет с критикой к нашей работе, он должен будет прежде всего себя самого поставить на наши места и добросовестно взвесить, что мы могли и чего не могли сделать в условиях, в каких тогда происходила работа Кубанского Краевого правительства. Оказалось ошибочным вот это самое предположение добросовестности у противника.

Мне очень хотелось бы, чтобы читатель поверил в искренность этих слов — это было именно так. И я совсем не в похвальбу отмечаю здесь нашу наивность и отнюдь не считаю ее за высокую добродетель людей, берущихся за политическую работу.

Горько сказать, но в нашем тогдашнем положении было бы правильнее исходить из общераспространенного взгляда, что политика достаточно «грязное» дело.

ГЛАВА II.

Заграничная делегация.

Конец 1918 года в отношении противо-большевицких российских группировок, в том числе и тех, которые сосредоточились на юго-востоке России, может быть характеризован повышенным интересом ко всякого рода международным комбинациям и в

ожидании возможной от них помощи в деле спасения России от большевизма. Киев, Яссы, Одесса, Константинополь — все это были этапы, куда съезжались, по собственному почину и будто-бы по приглашению союзных дипломатов и военачальников русские присяжные «политики», вскипала фракционная и газетная борьба, разбирались предлагаемые часто вздорные комбинации иностранной помощи, принимались или отвергались эти предложения, дебатировались вопросы «организации общероссийской власти», спорили о кандидатах «в диктаторы», о способах составления директории и т. д. Вожделенным этапом для всех больших и малых российских политиков был Париж, где собирались конференции: — Конгресс Мира.

В кубанскую «глушь» эти сведения доходили часто лишь в виде смутных слухов и предположений, так как более осведомленные в этих вопросах добровольцы не считали для себя полезным делиться своими сведениями с кубанцами. Но здесь к познанию неизбежности подобных совещаний и комбинаций приходили путем своеобразной «интуиции».

Впрочем, выяснились некоторые факты, которые заставляли кубанцев ставить и у себя ребром вопрос о заграничном представительстве.

Добровольческое командование признало «своим» представителем России на мирной конференции С. Д. Сазонова, бывшего российского министра иностранных дел.

Донской атаман генерал Краснов, вступил в соглашение с Главным Командованием и 13 ноября 1918 года тоже признал Сазонова полномочным лицом для ведения переговоров от имени Государства Российского в том числе и от имени «Всевеликого Войска Донского».

Для дачи справок по вопросам истории Дона, его армии и жизненных интересов генерал Краснов назначил в Париж в помощь Сазонову свою «Зимовую станицу», т. е. по старому донскому обыкновению — Посольство Всевеликого Донского Войска.

5 декабря 1918 года и в Кубанском Правительстве, еще прежнего состава, под председательством Л. Л. Быча, был поставлен тот-же вопрос о заграничном представительстве, о Сазонове и о том, какое положение должно занять Кубанское Правительство в отношении краевого представительства заграницей.

В этот именно день в раде были назначены выборы Войскового Атамана. Быч фигурировал в качестве одного из кандидатов и, видимо, высоко расценил свои шансы. Вообще, пока он стоял сам во главе ведения дел внешних сношений Кубани, он был врагом множественности краевых представительств. «Правительство де ответственно за внешнюю политику», ему, и никому другому, должно принадлежать право полномочно решать вопросы внешних сношений. Так и о заграничной делегации, решив положительно

вопрос о представительстве от имени России С. Д. Сазонова, Кубанское Правительство, возглавлявшееся еще Бычом, постановило, *по примеру Дона*, назначить в «помощь Сазонову» свою делегацию Кубанского Правительства.

Но когда Л. Л. Быч потерпел поражение на атаманских выборах и лишь особыми усилиями Н. Ст. Рябовола был поставлен *особым голосованием Краевой Рады во главе в известной степени* именно для него, Быча, созданной заграничной делегации от Краевой Рады, то теперь он от нее готовился полномочно представлять Кубань в Париже.

Председателем Рябоволом в Раде была проведена резолюция самого широкого (даже слишком широкого) охвата о назначении и полномочиях этой делегации, именно она назначалась:

— «Для информации западно-европейского общества и защиты интересов Кубани».

Можно было понять, что это тип какой-то всеохватной своего рода парламентской делегации. Между тем, новое краевое Кубанское правительство сочло нужным послать в Париж в помощь Сазонову свою правительственную делегацию со строго *определенным наказом* о ее полномочиях и ее задачах. Проект наказа было поручено составить члену правительства по ведомству юстиции и первое чтение его было назначено на 22 декабря 1918 г. Неожиданно на это первое собрание краевого правительства «по наказу» прибыл и Л. Л. Быч со всеми своими соучастниками [1]) по широкой парламентской делегации. По предложению председателя Краевой Рады Н. Ст. Рябовола число их было определено в девять человек. Все они и пожаловали во главе с Л. Л. Бычем на первое же собрание Краевого Правительства для рассмотрения проекта «наказа» правительственной делегации на «Мировой Конгресс» в помощь общероссийскому делегату Сазонову.

Председатель Краевого Правительства Ф. С. Сушков пошел навстречу желанию Л. Л. Быча с его соделегатами и допустил их принять участие в обсуждении «наказа».

Однако, когда Л. Л. Быч в том же заседании предъявил требование, чтобы вообще было поручено возглавляемой им делегации защита на Международном Конгрессе интересов Кубани и, чтобы вся информация о ходе дел конференции проходила бы через него же и никакой другой делегации не должно быть, а Краевое Правительство должно дать на имя возглавляемой им делегации, т. е. фактически на его Л. Л. Быча, имя «письмо с самыми широкими полномочиями, так как всякая инструкция, даваемая в Екатерино-

---

[1]) Ст. Ф. Манжула, А. И. Кулабухов, ген. Савицкий, А. А. Намитоков и др.

даре [illegible] — не может всего охватить и потому является излишней. [illegible] Краевое Правительство, конечно, не могло со всем этим согласиться.

Председатель Правительства Ф. С. Сушков заявил, что вопрос о персональном составе делегации может быть разрешен в зависимости от наказа, который по возможности должен быть детализирован. Делегация, состоящая при [illegible], не может быть многочисленной и будет состоять из 3—4-х лиц, пользующихся правом решающего голоса там, где им будет предоставлено полномочие. Только эта одна делегация будет правомочна вести работы, и ни о какой другой делегации на конференции не может быть речи. Представители же большой [illegible] делегации будут выполнять свои [illegible]; с ними могут в Париже частным образом советоваться члены правительственной делегации, но правом решающего голоса будут обладать только последние.

Несмотря на [illegible] с группой Быча, Правительство в большинстве все же согласилось [illegible] членов для своей правительственной делегации из числа рядовых депутатов и при этом был [illegible] вероятным кандидатом в [illegible] делегации [illegible] Намитоков. Это была дань тому общему настроению, [illegible].

Правительство имело после этого свое совещание, на котором было вынесено общее согласие*) [illegible] в правительственную делегацию из рядовой делегации кроме Быча Л. Л. еще [illegible] Намитокова А. А., а со своей стороны [illegible] также Д. А. Филимонова — тоже члена рядовой делегации, но [illegible]. К этим трем членам рядовой делегации Правительство решило прибавить одного [illegible] делегата из членов правительства. Кандидатами были намечены [illegible] я (Скобцов) и [illegible] Долгополов, а [illegible] делегатом был назначен Н. С. Долгополов. Таким образом, как бы уравнялись [illegible].

Открывая следующее совместное совещание 23-го декабря, Ф. С. Сушков [illegible] всех этих четырех членов делегации и [illegible], что все члены делегации должны пользоваться равным правом решающего голоса и что голос председателя делегации не должен иметь перевеса при равенстве голосов.

Председатель Правительства при этом дал следующее свое объяснение:

Из числа трех делегатов Правительство согласиться не

*) См. Протокол Особого [illegible] Кубанского Краевого Правительства № 10[illegible]. Присутствовали: Пр. Пр-ва Ф. С. Сушков, В. В. Скидан, [illegible] В. Г. Науменко, [illegible] Н. М. Успенский, А. А. Трусковский, И. С. Подольский, Скобцов и др.

может, так как это значило бы всегда давать перевес известной группе, как равно и при числе четырех давать особое значение голосу председателя Л. Л. Быча, также Правительство не нашло возможным [3]) по тем же соображениям.

На число «четыре» члены радянской делегации согласились, но отложили окончательное решение вопроса о председателе на время после обсуждения наказа. Что касается именно наказа, то и здесь сразу же обнаружились характерные особенности черноморско-кубанских настроений.

А. А. Намитоков, выслушав составленный Капчоным проект наказа, заявил, что в нем упущено несколько «важных моментов», а именно: необходимо для делегации иметь право налагать «вето» на выступления Сазонова, а в случае надобности, заявлять конференции, что Кубанская делегация Сазонова совсем не признает. Намитоков указал также, что в проекте отсутствуют указания на вопросы об экономических и торговых отношениях, о транспорте и транзите, о военном вопросе и о способе борьбы с большевизмом.

Манжула, поддерживая взгляды Намитокова, высказался, что в полномочиях и наказе необходимо ввести ограничительные рамки для Сазонова и точно указать, «что такое этот Сазонов».

Долгополов, признавая, что некоторые дополнения надо внести в наказ, предложил свою особую более широкую формулировку полномочий делегации, но решительно высказался за то, что кубанцы должны стараться объединить свой голос с донцами и с другими представителями других областей России, так как разнобой может послужить почвой для политической интриги и понизить голос общего представителя России Сазонова. Потому давать право кубанской делегации налагать «вето» на выступления Сазонова, а также и другие такого рода ограничения было бы заблуждением и ошибкой, ибо это повело бы к уничтожению представительства России и Кубани.

Л. Л. Быч вдруг заявил, что «России» сейчас нет, и что г. Сазонову кубанцы даже и не могут давать полномочия быть представителем России, так как такого государства сейчас нет. Существуют лишь отдельные государственные образования на территории бывшего государства российского, и раз так как представители этих образований в Париже могут не сойтись на кандидатуре Сазонова, как на общем представителе, то кубанской делегации должно быть предоставлено право избрать самой своего представителя на конференции.

Бычу снова было указано на постановление правительства под его — Быча — личным председательством 5-го декабря и на его теперешнее противоречие с самим собой. Тогда, между прочим, было фиксировано, что Кубань посылает своих представителей на

[3]) См. Протокол Совета Куб. Прав. от 28. XII. — 1918 г.

тех же основаниях, как и Дон, а из положений наказа донской делегации отнюдь нельзя сделать выводов, какие теперь делал Л. Л. Быч.

В дальнейшем при баллотировке разных предложений по пункту первому наказа при подавляющем большинстве прошла формула именно считать С. Д. Сазонова «представителем государства российского». Правда, члены радянской делегации воздержались от голосования по этому пункту, но в дальнейшем при рассмотрении Наказа принимали столь же деятельное участие, как и остальные члены собрания, внося свои поправки и деятельно их отстаивая. Именно по их настоянию наказ был увеличен на один пункт по вопросу об организации армии.

В результате длительных прений и решений, поправок и даже особого атаманского «требования»[1] был принят «Наказ», текст которого в виду интереса и по моменту создания его и по содержанию необходимо привести с документальной полнотой.

В заглавии указывалось, что это «Наказ кубанского войскового атамана и кубанского краевого правительства особой кубанской делегации на [illegible] Конференцию Мира».

Пункт 1-ый. Во исполнение постановлений Чрезвычайной Кубанской Краевой Рады об общем представительстве государственных образований России в международных сношениях и согласно постановлению Кубанского Краевого Правительства от 5-10 декабря 1918 года общим представителем государства Российского на международном Мирном Конгрессе признается Сергей Дмитриевич Сазонов.

Пункт 2-й. Для всестороннего содействия общему представителю государства Российского Д. С. Сазонову на Мирном Конгрессе и для представительства и защиты на нем интересов Кубанского Края кубанским войсковым атаманом и кубанским краевым правительством назначается особая делегация в составе Л. Л. Быча, председателя кубанской законодательной рады, Н. С. Долгополова, члена кубанского краевого правительства и [illegible] Намитокова и Дмитрия Филимоновича — членов Кубанской Законодательной Рады.

Председателем делегации назначается Л. Л. Быч.

[illegible] назначается Н. С. Долгополов.

Пункт 3-й. Выступая как представители Кубанского Края, члены делегации пользуются правом решающего голоса или совещательного голоса во всех совещаниях, комиссиях или иных заседаниях Мирного Конгресса, на которых право решающего голоса

[1]) См. об этом подробнее стр. [illegible] 1-й моей книги.

([illegible]) будет [illegible] представителям отдельных государственных [illegible] России.

Отвечая [illegible] и решения своих [illegible] Особая Кубанская Делегация [illegible] и всестороннему [illegible] вопросов на заседаниях всей делегации.

[illegible] Особая Кубанская Делегация имеет право при[illegible] Кубанского Края.

[illegible] В своих работах и решениях Особая Кубанская Делегация [illegible] (изложенных [illegible] программы) и следующими положениями:

1) [illegible] стратегическим соображениям.

2) [illegible]

3) [illegible] за Кубанью прав отдельного штата.

4) [illegible] колоссальные жертвы в мировой войне.

[illegible] с Россией — единой и [illegible]

5) [illegible] Рады от 5 декабря с. г.

6) Торговые договоры не должны являться необходимой частью условий мира.

Россия должна быть признана свободной в своей торговой политике и в договоре о мире на нее не должно быть налагаемо обязательство заключить тот или иной торговый договор или не заключать его.

Таможенные отношения России с другими державами должны быть построены на принципе устранения всяких препятствий к возрождению независимой и здоровой экономической жизни России и ее частей.

Впредь до восстановления России и организации общей государственной власти отдельным государственным образованиям и самоуправляющимся ее частям должна быть обеспечена полная независимость в определении и осуществлении их экономической, финансовой и таможенной политики, при чем [illegible] в указанных областях должны быть направлены к эффективному объединению.

7) Настоящий «наказ» вручается Особой Кубанской делегации *для строгого руководства. В случаях, настоящим наказом не предусмотренных*, делегация руководствуется постановлениями Кубанской Краевой Рады, постановлениями и указаниями Кубанского Войскового Атамана и Кубанского Краевого Правительства.

Подписали «наказ» Кубанский Войсковой Атаман и члены краевого правительства. Наказ был отпечатан типографским *способом в строго ограниченном количестве экземпляров*. При особых письмах, подписанных войсковым атаманом и членами правительства, [illegible] 31 декабря [illegible] для строгого руководства [illegible]. Особые [illegible], русский текст которых отпечатывался типографским способом, а французский на машинке, за теми *же подписями того же 31 декабря были вручены членам делегации*. Наконец, каждому [illegible] еще особое удостоверение.

Так, безусловно осмотрительно, со стремлением закрепить на бумаге и документе все пределы полномочий каждого члена кубанской [illegible] делегации [illegible] за границу, можно сказать, каждую букву и запятую над нею. *Подробность весьма характерна для обсуждаемого момента*. Последующие изложения их работы и указания делегации и ее отдельных членов покажут основательность требования крайней осторожности.

* * *

Все рождественские святки делегация, возглавляемая *Л. Л. Бычом*, готовилась к выезду за границу. *В[illegible] финансов было* [illegible] для этой делегации по наиболее выгодному курсу [illegible] миллиона рублей. Сама она готовилась выехать с подо-

[illegible]

ной икрой, балыком и прочей снедью...»

[illegible]

политических взглядов.

[illegible]

[illegible] русских и иностранных, что оказалось [illegible] для путешествия по *Европе.*

[illegible] не предусмотрел всех трудностей [illegible] крупные [illegible] семьдесят пять [illegible]

[illegible]

ГЛАВА III

[illegible] отсутствовали.

[illegible] *им* [illegible] которого заключались в нижеследующем:

[illegible] земли и в [illegible] [illegible] [illegible] досменных оборотов.

2) [illegible] местных [illegible] [illegible] хозяйства.

3) [illegible] и [illegible] но-прокатных пунктов и пр.

4) [illegible]

[illegible] ложные

1) [illegible] ных явлений и пр.

2) [illegible] водства, селекций новых культур и пр.

[illegible]

1) [illegible] местного землепользования.

2) [illegible] на [illegible] и [illegible] местного сельского хозяйства;

3) [illegible] [illegible] семян и их про- [illegible] [illegible] сельского хозяйства.

[illegible] Скалота местные специалисты в [illegible]

[illegible]ственным агрономии не в полной мере разделяли скептицизм [illegible] заведующего отделом в отношении возможности развер[illegible] широкого фронта агрономической помощи населению. [illegible] условиям местного хозяйствования, в [illegible] уверенность [illegible] о необходимости [illegible] в будущем, практической деятельности участковых агрономов в своих участках.

[illegible] работы [illegible] сельского хоз[illegible] в [illegible] местной [illegible] также [illegible] работы показательное значение местных хозяйств, уже [illegible] указаний сельскохозяйственной науки.

[illegible] его в [illegible] и [illegible] край [illegible] как по [illegible] так и по другим отраслям [illegible] хозяйства, [illegible] факторов, самых же [illegible] [illegible] к прогрессивному [illegible] [illegible] в край специалисты.

[illegible] была [illegible] о [illegible] также быть в определе[illegible] реформы [illegible] реформа [illegible] земельных [illegible] реформы [illegible] [illegible] в местах [illegible] реформ [illegible] Мы приступили к разработке [illegible] было бы [illegible] нужно было [illegible] [illegible] местной жизни.

Много [illegible] каждый отдел специальных сельскохозяйственных учреждений. Не было людей с достаточным для

[illegible] Были два кубанских казака — инженера [illegible] но [illegible] были слишком молоды и к тому без [illegible] инициативы.

[illegible] оказался наш водный отдел с его [illegible] кубанский [illegible] ученый рыбовод А. М. Гр[illegible] как куратор стоит [illegible] он из казаков станицы [illegible] время [illegible] очень много сделал по [illegible] и [illegible] рыболовства, рыбоводства и рыбосолства.

ВЕДОМСТВО ПРОДОВОЛЬСТВИЯ И СНАБЖЕНИЯ.

[illegible] вместе с [illegible] правительством, не [illegible] меня, кроме ведомства земле-[illegible] и [illegible] снабже-[illegible] меня на службу [illegible] из себя [illegible] об этом [illegible] нового правительства.

[illegible] против этого протестовал [illegible] прежнем [illegible] и [illegible]

[illegible]

[illegible] свой рабочий день [illegible] Было [illegible] и прочее [illegible] разрешения» на [illegible] муки, масла и пр. Документы у всех одинаково бывали в «полном порядке».

[illegible] и такое откровенное обращение к члену пра-[illegible] высокопоставленного [illegible] принесли [illegible] довольно значительное количество [illegible] рекомендация и поддержка ходатайства у нее [illegible] добровольческо-правительственного учреж-

[illegible]
бы не очень огорчились...

[illegible]
дуктов нельзя было...

[illegible]
ства со слишком «громкой» репутацией.

[illegible]
зацию «Продматор».

[illegible]
ством «Продовольствия и Снабжения».

Правительство постановило:

1) легализовать «Продматор».

2) [illegible]

3) [illegible]

4) Установить в самом «Правительстве» правильное наименование «Продовольствия и Снабжения».

[illegible]

работы.

ГЛАВА IV.

ВЕДОМСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.

[illegible] людям (полковникам).

[illegible] «ораторы»...

К положительной стороне этого короткого времени управления Н. М. Успенским ведомством внутренних дел нужно отнести то, что именно он сдвинул с мертвой точки вопрос о возвращении кубанских городов к их нормальному общественному самоуправлению.

Ос[illegible], что [illegible]жение об этом уже разработано, что [illegible] [illegible] всем этом [illegible] и, [illegible] в [illegible] [illegible] ввести [illegible] «5[illegible] положения [illegible] в Кубанском крае, что и было совершено.

[illegible] требует отметить, что [illegible] Н. М. [illegible], офицеры [illegible] его непрей[illegible] [illegible]лялся [illegible] от [illegible] административной опеки и т. п.

[illegible] по времени [illegible] [illegible]ной [illegible] кубанской стороны, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] союзника в борьбе.

[illegible] правите[illegible] Ф. С. Сушков [illegible] правительства [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] применя[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Но жизни [illegible] [illegible], [illegible] [illegible]ним, никакая комиссия вернуть не могла.

[illegible] в IV томе своих «Очерков Русской Смуты» [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] приемами [illegible] [illegible].

[illegible] 1919 г., т. е. как раз в [illegible] время, [illegible] [illegible] Кубани [illegible] в 1915 г. [illegible] Курьер этот ехал в [illegible] [illegible] среди которых имелись [illegible] ими Петлюры и [illegible]. В одном письме [illegible]

[illegible] в борьбе с [illegible] представителем [illegible] Руси... «[illegible] в последний раз умоется в крови [illegible] Украина». В [illegible] же [illegible] этот Блохин писал [illegible] (Скворцы) [illegible] директории [illegible] Мечты о назначении на великий пост Атамана Отдела. .

[illegible] Блохин [illegible] распространения [illegible] украинской [illegible] среди местного населения «галицийской мовы».

[illegible] будет [illegible]

[illegible] свидетельство ближайших всех [illegible], в том числе, — [illegible] кубанских казаков.

[illegible] Кубани. Оставались Ставрополье и Терек.

[illegible] и Ставропольской [illegible] последними [illegible] Терека [illegible] Шкуро, [illegible]

[illegible], прибывших к нам, были два [illegible] Терский

[illegible]

[illegible] *определение целей борьбы и ее* [illegible]

[illegible] ности.

ГЛАВА V.

[illegible]

[illegible] победа на Раде?!

[illegible] юстиции.

[illegible] в шестнадцать страниц...

[illegible]

же [illegible] и наша победа» «Россия раньше других вышла из строя [illegible] [illegible] удар внутри страны»..

[illegible] фронт, [illegible] русская армия [illegible] жертвы России и жертвы кубанского края не будут ими забыты»...

[illegible] Европы и Америки»...

[illegible] «Мы [illegible]

«Мы не можем [illegible] вопрос [illegible] Учредительное Собрание [illegible]

[illegible] России.

[illegible]

[illegible] против разбушевавшейся анархии».

[illegible] победы [illegible] деспотизмом»...

«Мы не можем окончательно предрешать теперь будущего воссоединения [illegible] частей России. Разрешить этот вопрос будет призвано [illegible] Учредительное Собрание [illegible]. Но мы признаем желательным и целесообразным принцип федерации»...

В первую очередь должны объединиться в [illegible] государственный союз [illegible] земли — Кубань, [illegible] тождественны их социальный строй [illegible] и на пути к их [illegible] нет никаких препятствий. И этот союз [illegible] земель, как [illegible] может и должен стать центром объединения других [illegible] объединений и областей юга России — [illegible] желательно, чтобы почин в этом деле принадлежал Кубани»...

«Политика нашего краевого правительства должна быть [illegible]. Правительство [illegible] что только в [illegible] с государственной точки зрения, [illegible] России».

«[illegible] и [illegible] должны быть руководимы в сфере национальных отношений».

«На фронте [illegible] права и [illegible], права и интересы всего народа. Там железом и кровью [illegible] будущее и [illegible] право на жизнь всех»...

«[illegible] интересы и нужды бойцов на фронте являются первыми и важнейшими»...

[illegible] Кубанским краем в [illegible] принципа [illegible] перечень вопросов, которые [illegible] при [illegible] в крае [illegible] вопроса о принятии в состав кубанского казачества и исключение из него». Ставился, таким образом, вопрос о кубанском гражданстве

Основ[illegible] правительственной деятельности по ведомству юстиции [illegible] «не[illegible] суд на основании судебных установлений 1864 года...

Из [illegible] вопросов правительство считало «главнейшим» земельный вопрос.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] мирительных камер и промысловых судов.

[illegible]

[illegible]

[illegible] ственные ценности.

[illegible]

[illegible] свободной торговли.

[illegible] кооперативного дела.

[illegible] заций и Добровольческой Армии.

[illegible] краевых школ

[illegible] тельства.

[illegible]

[illegible] хирургическими инструментами, были командированы за границу компетентные лица.

[illegible] ментов

[illegible] ного населения края.

[illegible] одобрения Рады».

ГЛАВА VI

[illegible] стремлением оберечь авторитет власти.

[illegible] как будто-бы [illegible] Ф. А. Щербина, [illegible] Кубанского Казачьего Войска. Он [illegible] с упреком [illegible] «Нужно [illegible] европейских парламентских стран, где обычно торжествует принцип коалиции при образовании правительства в [illegible] переживаемый момент». Скрывает от читателя [illegible] Рябовол, Бескровный и др., что именно линейцы (Манжула в первую очередь) предлагали другой группе [illegible] с Бычем или Бескровным в роли председателя и именно черноморцы ее отвергли, или кубанский историк просто

[illegible] историка.

[illegible]

[illegible] начальства добровольческого.

[illegible]

[illegible] вопросам [illegible]

[illegible]

[illegible] стну [illegible]

[illegible] поездку» [illegible]).

[illegible]

[illegible] с

[illegible] идей "под личиной федерализма".

[illegible] Рады Н. Ст. Рябовола, — см. об этом выше

офицером, [illegible] непосредственно из [illegible]

«агентов»...

[illegible]

свою тайну даже от нас..

[illegible]

рассеять эту тень оказалось некому.

[illegible]

обращение с краевой властью очевидно, работать нельзя, — таково было общее решение большинства Совета Правительства и поэтому [illegible], что правительство должно уходить, ибо с такою [illegible], оно не может оставаться у [illegible]

[illegible] в частном разговоре с [illegible] К. А. [illegible] тем [illegible] и др. обещали судить и наше правительство лишь по делам его..

[illegible] на свой страх и риск..

[illegible] "[illegible]" [illegible] расчитаться с этим правительством .

ГЛАВА VII.

[illegible]

ческими войсками. Скоро и кубанцы Ейского отдела, вкусившие в полной мере и совсем недавно «прелести» большевистского господства, поняли, какая опасность угрожает в первую голову их станицам при серьезной неудаче на фронте. Для всех ясно было еще и то, что тыловая разруха не замедлит отразиться на всем фронте.

Совершенно естественным должно бы было явиться у нашего краевого правительства желание к укреплению своей власти. [illegible] твердость в борьбе.

В Краевой Раде [illegible] Рябовол [illegible] Сушков [illegible] Войсковым атаманом [illegible] ной авторитетностью.

[illegible]

[illegible]
— другое.

[illegible]

[illegible]
совсем не утешала других.

Генерал Деникин, оказывается, тоже собирался, желая дать приятное удовлетворение кубанцам, после поворота Добровольческой Армии на север наименовать Кубанской армию, [illegible] не была выполнена и было бы [illegible] Кубанской Армии [illegible] свой неопределенный приказ.

Между тем деятельность большевиков между Доном и территорией, [illegible] Добровольческой Армии [illegible] Ростово-[illegible] большевиками. В местной хронике [illegible] в самом Екатеринодаре [illegible] В трамвае, в базарной толпе [illegible] большевистской редакции о «яблочке»:

«Ой, яблочко да закатилося, —
Кадетская власть провалилася...»

[illegible] «Кубанский Край» [illegible] Добровольческой Армии [illegible] (7 [illegible] 1919 г. за № 102) [illegible] «Вольная Кубань» (№ 161 — 16 [illegible]) [illegible]

[illegible]

[illegible] на помощь Дону — «Кавказская Добровольческая Армия», его,

которую [illegible] переименовать Кубанской Армией, [illegible] Деникин [illegible] группу кубанских казаков, [illegible] на север без [illegible]»

[illegible] такие, например, [illegible] фронте — «Кубанские части, [illegible] противника [illegible] Мечетинской [illegible]

[illegible] наиболее [illegible] [illegible] которой [illegible] центре [illegible] [illegible] [illegible] борьбу [illegible] последний [illegible] [illegible] безответные противоречия [illegible] [illegible] [illegible]

ГЛАВА VIII

[illegible] коллективное [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] по [illegible] [illegible] фронта с [illegible]

Кубани, не сумевшей породить ни одного порядочного генерала»
[illegible]

[illegible]
в Париж.

[illegible]
честного и добросовестного работника.

[illegible]
чески к силам предположенного премьера...

[illegible]

[illegible]

[illegible] Рады о [illegible]
[illegible]

[illegible]
предполагали, — Командования Д. А.

[illegible]

[illegible]
попасть на нее в виде представителей Рады...

[illegible]
признака самостийности.

[illegible]

[illegible] Войсковой Атаман Терского Казачьего Войска Вдовенко Герасим. [illegible]

[illegible] от Добровольческого Командования

[illegible] объединения.

[illegible] с исключительной трудностью положения

[illegible] гибельным.

[illegible] или «нраву моему не препятствуй»...

[illegible]

[illegible] Мы в этом [illegible] с Доном и [illegible], где не [illegible] бы всем [illegible] [illegible] замешек.

ГЛАВА IX.

[illegible] характер игры во-банк.

[illegible] Куда он ее понесет?!..

[illegible]

Бескровный отказался.

[illegible]

[illegible] Темы [illegible] были неисчерпаемы в особенности при наличии газеты «Великая Россия» и др.

ГЛАВА X.

В качестве члена правительства по [illegible] я в этот период [illegible] существования [illegible] был прибегнуть к той же 57-й статье нашей конституции, чтобы [illegible] реформы. Ждать с этим было нельзя.

[illegible] на практике. [illegible]

[illegible]

[illegible] рядке 57-й статьи.

[illegible]

10 [illegible] Совет [illegible] «Положение об управлении [illegible] Кубанского Краевого [illegible] Землеустройства», «Отдела [illegible] Землеустроительных Комиссий [illegible] принять «Временные штаты Отдела Земельного фонда и Землеустройства» [illegible]

Со[illegible]нные [illegible] «По[illegible]жения» [illegible] земе[illegible]ные орга[illegible] [illegible] рабочим аппаратом [illegible] [illegible] и распределению бывших [illegible] [illegible] [illegible] и уезде при непременных членах и пр.

[illegible], как непременные, привлеченные к делу зем[illegible] [illegible] местных [illegible] комиссий [illegible] [illegible] [illegible] ленных пунктов и т. п.

[illegible] в Особом Присутствии [illegible] [illegible] нику.

[illegible] Суда.

[illegible] Особого Присутствия окончательны и [illegible] лежат (ст. 54).

[illegible] других

[illegible]

него, ни не хотел отстать даже когда представлялся соблазнительный к тому случай.

План предварительной работы комиссии был составлен с таким расчетом, чтобы учет и составление списков малоземельных хозяйств каждого данного района были бы закончены в своей главной части к сентябрю месяцу 1919 года.

Временные штаты, проведенные нами через Совет Правительства, включали всех девяносто душ служащих, из коих — сорок человек землемеров.

В местных органах насчитывалось 43 должностей по назначению и 61 по выборам, для которых постоянное содержание назначено более высокое [illegible] той категории, которым определялось лишь суточное содержание, кормовые и пр. В общей сложности годовой расход на весь аппарат с прибавками на дороговизну исчислялся в сумме около 2 300 000 рублей. Контролер (Н. Л. [illegible]), когда пришлось обратиться к нему за предварительным одобрением сметы, согласился на все без всяких возражений, даже удивился, с какими ничтожными кредитами я собираюсь провести в крае земельную реформу. Если принять во внимание низкий курс тогдашнего нашего рубля, то действительно, определялась сумма очень умеренная. Если бы удалось тогда закончить начатое дело, то, действительно, тогда можно было бы отметить, что [illegible] количеству в смысле денежных затрат.

«Положение» состояло всего из 65 статей. «Наказ», изданный нами [illegible], после утверждения Положения для руководства комиссий, [illegible] состоял из 59 статей с десятью приложениями к ним формами. [illegible], инструкция [illegible] и пр., изданные комиссиям, состояли из 40 [illegible] статей с приложением форм журналов осмотра частновладельческих участков, из 2-х [illegible] и 4-х других приложений. [illegible] мы придавали тому, чтобы отчуждение было проведено с полной планомерностью и [illegible]. Особенно считалось важным, чтобы [illegible] в местных органах [illegible]. С другой стороны нужно было [illegible] формы и [illegible] из затруднений будущих проводников реформы, [illegible] юридической подготовки.

ССУДА НА ОБСЕМЕНЕНИЕ ПОЛЕЙ. Считаю нужным отметить еще одну из сторон законодательной работы этого времени, именно [illegible] через Законодательную Раду перед ее роспуском [illegible] ссуды на обсеменение. Предполагалось, чтобы возможно более широкая площадь земли была бы засеяна пшеницей и другими злаками. Отдельным хозяевам и сельским обществам для распределения между хозяевами общинниками предоставлялась ссуда на весьма льготных условиях. Рада

приняла мое предложение почти без прений. Указывалось лишь в виде упрека, что [illegible] малую сумму испрашиваю кредит. Это было, впрочем, лишь знак общей неприязни большинства Рады к правительству вообще.

ГЛАВА XI.

Принимал я свои [illegible] и очередные [illegible] предположения не без увлечения, [illegible] власти были, конечно, не они. В [illegible] связи во время [illegible] Рады с их [illegible] о радянской делегации Л. Л. Быча.

[illegible] в Париж на конференцию Мира. Срок [illegible] переваливал уже за три месяца. И [illegible] я вспоминаю [illegible] пожелание Карташева, чтобы «они скоро выехали, но долго не доехали».

Я уже [illegible] тем, с какой помпой [illegible] П. С. Рябоволом [illegible] свои расходы один миллион рублей [illegible] на английские деньги того времени 30 000 фунтов стерлингов.

Мы все [illegible] годы [illegible] «дружественным», мы хорошо усвоили, [illegible] вопрос при [illegible] Л. Л. Быч [illegible] должно [illegible] что они [illegible] не [illegible] и не [illegible] Мира [illegible] Уж не говоря о [illegible] были [illegible] -ско-дипломатические.

[illegible] на тех [illegible] меморандумах, [illegible]

Уже в Одессе, на первой [illegible] дипломатической остановке, [illegible] с иностранными представителями [illegible] вступить в общение с ними, кубанская делегация [illegible] свои дипломатические выступления. Совместно с представителями Дона, Украины и Белоруссии в Одессе кубанцы обратились к Верховным Командованиям держав Антанты с особым меморандумом по вопросам:

1) о будущем государственном устройстве, как ... [illegible] новообразований;

2) [illegible]

[illegible] по данному вопросу).

[illegible] правительства

[illegible]

[illegible] строй к федеративному

[illegible] ства России.

[illegible]

[illegible] ...создавшихся отдельных единиц»..

[illegible]

[illegible] ...ника и многих других...

[illegible]

[illegible] (Содержание последнего в этой книге приводится)

В [illegible] «меморандум» [illegible] просьба «устранить препятствия к получению разрешений на проезд делегации».

[illegible]

[illegible] думать, не оставил.

[illegible] МЕМОРАНДУМ [illegible]

[illegible] Париж.

[illegible]

[illegible] в Париже мог бы быть полезным самим союзникам...

[illegible] 2 марта [illegible] года. Многие места [illegible] телям Антанты.

[illegible] в Париж [illegible] сколь боль- [illegible]

[illegible] страницах.

[illegible] ний народных масс»

[illegible]

[illegible] ным умолчанием.

Кубань и кубанское население [illegible]

[illegible] ив большевиков».

[illegible] среди донцов надлежащую поддержку.

[illegible]

1) [illegible] самостоятельным государственным образованием, [illegible] стороны Советской Республики.

2) Вместе с тем мы [illegible] Кубанской Рады, просим прежде всего об оказании моральной поддержки нашему

[illegible] демократию?

[illegible] для армии.

[illegible] «черносотенства».

ГЛАВА XII

[illegible]

ния Всероссийского Учредительного Собрания к полному [illegible] Совещание [illegible] При Совещании [illegible] Сибири, Юга и [illegible] вистской России).

[illegible] для Кубани...

[illegible] обсуждения и решения.

[illegible] из Парижа [illegible]

[illegible] ческое влияние Быча в Париже.

[illegible]

[illegible]

лизации и уходили «в зеленые».

[illegible]

ГЛАВА XIII.

[illegible]

[illegible]

[illegible] Кубанского [illegible] общее [illegible] группы, [illegible] с собственным [illegible] и собственным [illegible]. И еще одна особенность [illegible] в раде, [illegible] политической [illegible] — это [illegible] Быча с [illegible], Рябоволом с [illegible] в Екатеринодаре, [illegible] и убеждений.

[illegible] время у [illegible] фигурировали [illegible] себя и своих [illegible] Мако[illegible]. Он, [illegible] так, как нужно, [illegible] так, как не нужно, [illegible] чем так, как нужно»... и т. д.

Как [illegible] себя [illegible] группы, член делегации [illegible] Красного [illegible] Ф[illegible] и возвратиться на Кубань.

[illegible]

[illegible] танции Л. Л. Быча:

«[illegible] обязанности»...

[illegible] ее [illegible].

[illegible] ствовавшей русской общественности.

[illegible] ским началом в хаосе разрушения».

[illegible]
— Уездные политики [illegible]

[illegible] черноморцев:

[illegible] вас дрожат... Действуйте прямо...

[illegible]

— Я протестую [illegible] председатель правительства.

— Протестуйте сколько угодно...

Сычков покинул собрание. Аналогичный инцидент произошел между членом правительства Капцевым и Голубом. Настоящий дирижер всей этой затеи [illegible] с председателем К. Л. Бескровный сделал в Раде заявление: — «Мы должны, [illegible] выразить правительству недоверие». И в конце [illegible] затянувшегося до четырех часов утра заседания в Раде было выражено [illegible] правительству недоверие. Сколько помнится, [illegible] это было в ночь с 4-го на 5-ое мая 1919 г. Правительство, [illegible] Сычкову, вручило нам [illegible] о своей отставке. Так как Сычков не захотел ни одного дня оставаться и. о. председателя правительства, атаман попросил меня временно впредь до сформирования нового правительства исполнять обязанности председателя...

ГЛАВА XIV.

Прежде, чем перейти к рассказу о дальнейшем течении на Кубани дела общественно-политического значения, мне представляется уместным сделать общий обзор течения дел по ведомству земледелия, которые по тому времени [illegible] привлекать к себе особое внимание.

Год и восемь месяцев я стоял во главе этого ведомства, среди кубанского краевого правительства [illegible] Мне [illegible] собрать работников [illegible] и налаженности взаимоотношений с местными агентурами [illegible] Ко [illegible] в Екатеринодар, там состоялся съезд [illegible] земельных комиссий и их заместителей. Как я был уведомлен, в их среде [illegible] вопрос, следует [illegible] продолжать работу после [illegible] правительства [illegible] по этому вопросу. [illegible] от выработанных [illegible] тем более, что такие [illegible] Бескровный, в свою очередь [illegible] Голуб другого [illegible] работы по ведомству не мог бы придумать.

По [illegible] земельных улучшений мне удалось организовать и [illegible] после себя [illegible] агрономических участков в

крае, о которых я делал [illegible] в своей речи 18 ноября 1918 г., как о [illegible] своей работы по части предоставления населению помощи специалистов. [illegible] участков были поставлены или ученые агрономы, или [illegible] со средним [illegible]ческим образованием [illegible] практиками. Кроме этого были [illegible] специалисты по ското-[illegible], [illegible] кооперации, [illegible] и пр. [illegible] к этому времени [illegible] среди беженцев из России [illegible] не [illegible] с [illegible]ческим образованием [illegible] В [illegible] случаях [illegible] себя [illegible] рекомендовать с хорошей стороны.

[illegible] большое внимание [illegible] местечке «Круглик».

[illegible] чтобы [illegible] не [illegible] в смысле вегитации.

5-8 [illegible] в 20 000 000 пудов, [illegible]

[illegible]

[illegible] в 1919 году был следующий:

Озимой пшеницы	64 584,7	тыс. пудов
Ржи	2 600,6	тыс. пудов
Ячменя	55 410,3	тыс. пудов
Кукурузы	16 220,0	тыс. пудов
Яровой пшеницы . .	32 218,0	тыс. пудов
Овса	8 136,9	тыс. пудов
Проса	1 569,7	тыс. пудов
Картофеля	23 532,0	тыс. пудов

В процентном отношении к урожаю 1916 г. это по отд. культурам составляло:

Озимая пшеница	95,7 %
Яровая пшеница	121,5 %
Яровой ячмень	97,5 %

См. «Великая Россия» [illegible] 14 декабря 1919 года

Овес	85,6 %
Кукуруза	120,0 %
Картофель	193,0 %
Огородные к-ры	111,4 %
Табак	50,5 %
Подсолнух	50,5 %

С[illegible], посев[illegible] был в некоторой степени [illegible] к чему мы [illegible], стремились. [illegible] сократились в [illegible] подсолнух и табак, как [illegible] культур.

[illegible] отметить, в каких частях края произошло сокращение посевной площади. В то время, как в Баталпашинском, Екатеринодарском и [illegible]ском отделах [illegible] почти равной площади засева 1916 года:

100,36 процентов, 104,2 %, 109,3 %, то по Кавказскому, Майкопскому площадь засева снизилась до 96,7 %, по Лабинскому же отделу, наиболее отдавшемуся борьбе, произошло чрезвычайное уменьшение посевной площади до [illegible] процентов. В то время, как в Таманском отделе, где настойчиво велась пропаганда выхода из борьбы, где при мобилизациях обнаруживался наибольший процент дезертиров, здесь посевная площадь увеличилась до 112,4 %. По всему краю посевная площадь составляла в среднем 98 % посевной площади 1916 года.

Вообще говоря, усилия, которые приходилось делать при

[illegible] тяжелые годы [illegible] общем [illegible] Рассказывают об [illegible] [illegible] Они [illegible] земли в эти годы часто в буквальном смысле под обстрелом.

ГЛАВА XV.

[illegible] успехом.

[illegible] зывал благоприятные результаты.

[illegible] производства.

Край [illegible] необходимые [illegible] продовольствия для [illegible] Правительство [illegible] необходимых [illegible] компенсаций за вывозимый хлеб и кое-что [illegible] в пользу земледельца за собранный с полей хлеб и [illegible] «твердым ценам», т. е. по ценам заведомо искусственно установленным.

[illegible]

черкесах» и пр., и пр.

—

ГЛАВА XVI.

[illegible]

стать председателем правительства с тем, чтобы Ф. С. Сушков был в[illegible] правительства [illegible], я не согласился. Между прочим, я обратил внимание [illegible] со мною эти переговоры Г. В. Омельченко на [illegible] всем [illegible] в члены правительства [illegible], все не старые 30 лет. Он все же продолжал [illegible] меня, [illegible] том, что никто из [illegible] не сумеет [illegible] из [illegible] среднего круга людей. [illegible] Но все [illegible] предложение, хотя [illegible] ком-[illegible] и мои друзья — И. В. [illegible] и [illegible] Г. [illegible] тоже [illegible], что [illegible] мне [illegible] тем не менее [illegible] их [illegible] фигуры Л. Л. Быча, с [illegible] Париже [illegible] «[illegible] Русь».

[illegible] правительства был избран И. Н. [illegible] к [illegible] по своему [illegible] судейских должностях [illegible] своей [illegible]. Его [illegible] карьеры [illegible]. Но к [illegible] Курганскому [illegible] со стороны [illegible] был представлен [illegible] друзей, как К. А. [illegible] по [illegible] [illegible], [illegible] к [illegible] [illegible] инженер Н[illegible] [illegible] он [illegible] офицер-[illegible] (А[illegible] из трех [illegible]) [illegible] [illegible], [illegible] А. Н. Тимошенко [illegible] В. [illegible] [illegible] кроме выше [illegible] до [illegible] их [illegible]. [illegible], [illegible], что [illegible] в [illegible] боль-[illegible] с большим перевесом в [illegible] черноморцев.



[illegible] кабинета [illegible] не было. Войсковой Атаман [illegible] это [illegible] своим достижением [illegible] тем не менее были недовольны новым кубанским правительством. До [illegible] дошло это недовольство, можно судить хотя-бы по следующей беседе моей с Атаманом

Он вдруг обратился ко мне с просьбой побывать у ген. Деникина и заверить его, что назначенный на пост члена правительства по внутренним делам К. А. Бескровный не является большевиком. Я руками развел. Как же можно [illegible] согласились [illegible] кабинет? И какое тогда отношение ген. Деникина к нам самим? Какую цену будет иметь у него мои [illegible] убеждения?...

— Да, [illegible] я же говорил генералу Деникину. А все же хорошо было бы, если бы вы с ним поговорили...

[illegible] на то, что у меня вообще не было до этого случая [illegible] и беседы с ген. Деникиным, я отказался идти к нему, чтобы протежировать члену Кубанского правительства Бескровного и [illegible] доказывать, что Бескровный не большевик.

В те дни в Екатеринодар прибыла [illegible] Донского Войскового [illegible] с Войсковым Атаманом Г. А. Вдовенко и председателем Войскового Круга П. Д. Губаревым. Был устроен обед, [illegible] не только казачьи [illegible], но и [illegible] добровольческие генералы. Лично я чувствовал себя [illegible]. Чувствовалось, как уходило влияние на краевые дела в [illegible] руки. И вдруг [illegible] короткое [illegible] слово П. Д. Губарева на тему о необходимости Кубано-Терского [illegible] сторонников [illegible] Губарев [illegible] и содержание [illegible] Скобцову [illegible] что [illegible] [7], [illegible] (См. об этом [illegible] часть главы IV).

ГЛАВА XVII.

Вопрос о необходимости тесного объединения разрозненных русских людей, боровшихся с большевиками, буквально в это время [illegible] в воздухе, нужно было это делать [illegible], особенно [illegible]. Но [illegible] Сушкова [illegible] когда должна была по его предложению открыться конференция

[7] См. «Три года революции и гражданской войны на Кубани». Ч. 1-я.

Юго-русских государственных образований для обсуждения [illegible]

[illegible]

[illegible] и искали путей осуществления

[illegible] трех казачьих войск на 11 июня.

[illegible] Законодательной Рады

[illegible] говорили сами за себя...

[illegible]

[illegible] не предусматривалось в прямом виде участие [illegible], наоборот, сам Н. С. Рябович [illegible] желание ехать [illegible] в качестве [illegible]. Мне как-то было [illegible] предположение, что порывы наших черноморцев к объединению [illegible] от политических веяний [illegible] черноморского [illegible] как, [illegible] мому, и в этом последнем случае.

[illegible] Рябович и Бескровный охотно шли на это.

[illegible] В Киеве был [illegible] Советской Республики ⁵).

[illegible] начинания.

[illegible] краевым правительством.

[illegible]

[illegible] начинается полоса успехов советской власти"...

ных дней для занятий, решил съездить ознакомиться с положением дел на войсковом рыбном заводе «Ачуев». У Н. Ст. Рябовола, может быть, имелось по этому некоторое основание особо не предупреждать нас о расписании занятий на конференции, — во всяком случае нас не предупредили.

Сам он выехал из Екатеринодара, не собрав всей делегации, не посоветовавшись со всеми, — равно я был не только членом Правительства, но и членом той же Законодательной Рады. Но конференция открылась в нашем отсутствии. Н. Ст. Рябовол произнес речь, о содержании которой нам пришлось узнать лишь впоследствии от участников конференции, не кубанцев.

Харламов В. А. был в полной степени удовлетворен содержанием речи Н. Ст. Рябовола — Кубань стала на путь общего строительства. — Тон Н. Ст. Рябовола о федеративном единстве не оставил сомнений в душе Харламова.

С. Гр. [illegible], технический секретарь конференции, кратко передавал содержание речи [illegible] председателя Кубанской Краевой Рады:

«В некоторых кругах, преимущественно добровольческих, увлекаются легкими победами и идут вперед, не обращая внимания на тыл, [illegible] к сердцу России Москве. Но [illegible] тыл не устроен. Необходимо заняться устройством тыла, [illegible] в самом [illegible] прочную систему власти, [illegible], как следует бойцами и другими [illegible], двигаться вперед».

«Речь кончилась обращением [illegible] должна быть [illegible], а [illegible] будущей единой России, построенной на федеративных началах».

«Кубань должна иметь соответствующее значение при организации [illegible] общегосударственной власти Юга России».

Эти слова в устах Н. Ст. Рябовола должны были бы приобрести значение благой вести. Но вдруг неожиданный предательский выстрел в гостинице [illegible], где остановились делегаты, поздно вечером, и Н. С. Рябовола не стало.

В намечающейся объединительной работе это было потрясением.

В кубанской политической жизни это могло превратиться в смерч. Кроме естественного возмущения актом убийства из-за угла, примешивалось возмущение убийством по политическому мотиву. — Кто может быть судьей в нашем внутреннем кубанском деле?..

Кто убил?

Личность не была установлена. Краевая кубанская демократия готова была бросить обвинение определенным добровольческим кругам. Но, конечно, это не могло быть принято всерьез. Внут-

рения смута в противобольшевицких рядах достигла в это время такого предела, что [illegible] своего рода отряды [illegible] из подонков бывшего «общества», не способных к борьбе на фронте, укрывавшихся [illegible] рядах так называемой «мафии». От подобной мерзкой руки [illegible] позже генерал Ив. П. Романовский, начальник штаба Д. А.

В похоронах [illegible] из Ростова тела Н. Рябовола приняли участие все [illegible] круги, а также и добровольцы. На торжественном, [illegible] памяти [illegible] собрании, говорили представители всех фракций, в том числе в качестве представителя [illegible] группы и [illegible] генерал [illegible] Курганский, призывал быть «верными памяти усопшего и [illegible], не [illegible] единой России, построенной на федеративных началах». Курганский был [illegible] на высокий пост [illegible] черноморской группой...

ГЛАВА XVIII.

30 мая 1919 г. был [illegible] ген. А. И. Деникиным приказ № 145 [illegible] Кубанским Главнокомандующим. Тогда же было [illegible] об [illegible] дел в нашем [illegible] с большими успехами [illegible] перед [illegible] России [illegible] щениях главнокомандующего...

[illegible] достаточное внимание [illegible] только у кубанцев [illegible] не [illegible] Добровольческой армии [illegible] и вопрос об [illegible] вновь и вновь [illegible] России [illegible]

Между тем [illegible] обл[illegible] и [illegible] в Ростове и [illegible] с генералом так трагически прервались.

[illegible] Объединение и [illegible] было по этому случаю [illegible] резолюция:

Идея организации Юго-Восточного союза, как государственного образования, которое должно быть противопоставлено [illegible] большевизмом России, имела в свое время значение. Ныне, когда восстанавливается единство России, при чем

[illegible] в Сибири [illegible] Армия [illegible] к Москве. [illegible] Германии»... Это летом-то 1919 года...

[illegible] затруднять ее действия»...

[illegible] нико предложить не сумел.

[illegible] возможны»...

[illegible] Деятелей»...

[illegible] данном случае иметь не могли.

[illegible]

9) Генерал Драгомиров (сын)

[illegible] принципиального порядка.

[illegible] рой во главе.

[illegible] Добровольческой Армией.

[illegible] дилось неизбежной...

[illegible] бойцов».

[illegible]

[illegible]

ГЛАВА XIX.

[illegible]

сопр[illegible] и выполнить [illegible] условия и только при [illegible] возможно спасение аулов от полного их разрушения»...

В [illegible] Чечни [illegible], что наступил последний [illegible] смерть [illegible] приступает к [illegible] поперг[illegible] К делу был [illegible] из Кавказа. [illegible] посвященного специально Чечне.

[illegible] сознательному чеченцу.

[illegible] черноморцев.

[illegible]

[illegible] Газеты [illegible] нее возвратятся.



[illegible] же 13 [illegible] потери обе стороны, скрылись.

* * *

[illegible]
типов...

∴

[illegible]

[illegible] «Человек» [illegible] «Чеховым» [illegible]
стр. 191).

[illegible]

[illegible] вала глубоко пессимистический тон.

[illegible] конституция, а законода- [illegible]
старый режимъ и т. д.

[illegible]

[illegible]

ГЛАВА XX.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КРАЕВАЯ ПОЛИТИКА.

Система товарообмена в изложении творца ее Л. Л. Быча.

[illegible] осенью 1918 года:

[illegible] будет [illegible] хлебом, салом, маслом и пр.

[illegible]

[illegible] и по сухопутной границе...

[illegible] Для охраны вывоза [illegible] пределы Кубанского Края.

[illegible] оптимистически смотрел на будущее этой своей [illegible]

и суммы необходимого дохода, о которой докладывал в той же Раде член правительства по делам финансов г. Трусковский, т. е. 300 000 000 — 400 000 000 рублей.

Но чем [illegible] ведомству Торговли и Промышленности (одновременно и финансов) характеризовал товарообмен, [illegible] форму торговли, и мало переходил к [illegible] торговле. Трусковский при этом замечал [illegible] Кубанский Край стал на точку зрения необходимости [illegible] на учет [illegible] крупных операций [illegible] учет своих [illegible]. В силу этого [illegible] с одной стороны, [illegible] с обратной стороны [illegible] Государственной [illegible] причине, [illegible] Быч и Трусковский [illegible] товарообмена [illegible] с Украиной [illegible] 1918 года, когда им был [illegible] Скоропадского, но оно скоро пало, [illegible] правительство Директории, а еще после большевики.

[illegible] товарообмена с Украиной [illegible] Между тем, [illegible] система Быча и Трусковского..

ГЛАВА XXI.

БЮДЖЕТНЫЙ ПРИНЦИП КУБАНСКОЙ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ

[illegible] в Краевой Раде, что основным принципом ведения финансового хозяйства является принцип бюджетный, [illegible] соответствие расходной части с [illegible] Трусковский привел в Раде же примерное исчисление доходов от обложения, имеющих быть реализованными по товарообмену в 1919 году различных товаров. Именно от табака [illegible] 100 000 000

рублей, [illegible] 12 000 000 рублей, [illegible] 8 000 000 рублей, [illegible] — 150 000 000 рублей, [illegible] 100 000 000 рублей.

[illegible] хлебом и продовольствием.

[illegible] расход по содержанию войск.

[illegible] торга» и «внуторга»...

[illegible]

чиями, [illegible] двинул отборную семенную пшеницу (кособрюховку) в счет своего очередного срочного наряда для продовольствия. Члены [illegible] себя [illegible] [illegible] с заго[illegible] [illegible] старанием семенной пшеницы. Но втуне остались их горячие сетования.

ГЛАВА XXII

А. — [illegible] ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Отобрав хлеб и другие продукты земледельческого труда, власти не были в состоянии доставить населению своевременно и вообще в какой-то срок необходимые товары, даже такие, как каменный уголь, нефть, керосин, не говоря уже о мануфактуре и других продуктах фабричного производства.

В Новороссийск прибыл пароход с английской мануфактурой. [illegible] товары [illegible] и споры между кубанскими [illegible] и [illegible], а мануфактура-то оказалась очень низкого качества...

И еще пример кубанских [illegible] к [illegible] уборке хлебов. [illegible] В пору уборки [illegible] были [illegible] прибывшими с фронта [illegible] [illegible], которые в [illegible] к себе [illegible], чтобы упредить других [illegible]. Между тем, [illegible], вообще [illegible] к тому же в Новороссийске [illegible] [illegible] и доброкачественного [illegible]. [illegible] пути [illegible]. Для того же, чтобы [illegible] без [illegible] пришлось [illegible] особых [illegible] комитеты, чтобы при их помощи придумать синтетные эталоны.

Б. — ДОНСКАЯ ЭМИССИЯ.

Наиболее наглядно обнаруживалась беспомощность системы кубанского товарообмена через факты [illegible] ростовского денежного станка. [illegible] изготовления денежных знаков в Ростове по приказам донского правительства, выпущено с 1-го января 1918 года по 15 октября 1919 года бумажных денег на сумму 9 292 000 000 рублей. Из этой суммы донское правительство оставило в своем распоряжении 4 2[illegible]3 000 000 рублей, отпустило

в распоряжение Главного Командования — 3 982 000 000 рублей. Кубань же получила всего — 610 000 000 рублей.

Деньги эти имели хождение по всей территории и равной расценке. Но размер их распределения между правительствами вполне зависел от себя. Правительство, получавшее в свое распоряжение большие фонды, располагало большими возможностями закупки товаров и других полезных ценностей. Кубань попадала в категорию обделенных, доставляя на рынок значительно больше ценностей, по сравнению с другими, а пользовалась значительно меньшими ими, или, как в своем просторечии она говорила: «кормила» — этим кончается только то, что пришлось сказать панам у донцов и добровольцев».

Командование Добровольческой Армии стало потом выпускать свои деньги («колокольчики»), а деньги тогда же увеличили свою эмиссию. Это и распределение на сумму 10 000 000 000 рублей. При этом кубанское правительство не имело возможности, чтобы поставить эмиссию под бдительный контроль и не допускало существенно превышения роста и распределения продукции ценностей своих. Кубань, так оголившись расходами и внутренними статьями, осталась беззащитной перед денежным внешним натиском окружения, и кубанские торговые шансы обрели спекулятивного спорта. Там, где раньше было производилось путем, в районе Ейского и Кавказского отделов, близких к тому же Ростову, дело прямо решалось в пользу переправляющихся на тех же возах спекулянтов...

ГЛАВА XXIII.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЛОКАДА КУБАНИ.

К началу осени 1919 года Кубань экономически оказалась между двух огней. Хотя она в своем положении, таким образом, подчинялась собственной власти правительства и руководящего большинства Кубанской Краевой Рады Тимошенко, однако у этой власти оставалась возможность в любое время снимать рогатки, вывозить излишки своих богатств и приобретать взамен необходимые фабрикаты. Но руководители добровольческой экономической политики рассудили иначе.

Началось с того, что на территории, занятой Добровольческой армией, была объявлена 13-го июля свободная торговля хлебом и кожей, в то время как вообще вопрос о свободе местной торговли. В одном местном явлении местной жизни это означало прежде всего дать пожать плоды своей энергичной деятельности господам типа

[illegible] Эти [illegible] кое-что уже успели [illegible] [illegible] с Кубани. Кое-что [illegible] закупили, но изыскивали пути для вывоза...

В [illegible] Кубани, где щедрой рукой расставлены рогатки.

[illegible]

[illegible] тов и др.

[illegible] по преимуществу, питались силы борьбы?

В [illegible] воспрещении ввоза в [illegible] 3-[illegible] не менее [illegible]

[illegible] См. "Св[illegible] Речь" № 1[illegible] августа

когда обеспечен вывоз эквивалентного количества товаров: — из Кубанской области, тогда лишь разрешался ввоз соответствующего количества товаров на Кубань независимо от того, когда заключен договор. [illegible]

[illegible]

груза одного парохода среднего тонажа.

[illegible]

кубанским правительством о торговых отношениях Кубани с Италией. [illegible] не внушал. Но вся [illegible] деятельность этого «сеньора» [illegible] к самым худшим предположениям [illegible] о тех, кто вел с ним [illegible]. С ним [illegible] «Кубанского правительства Италии» [illegible] с Кубани [illegible] [illegible] с кожами [illegible] процесс [illegible] [illegible] Италией, ни [illegible] не приходилось установить [illegible] материального значения.

ГЛАВА XXIV.

[illegible] до Москвы, [illegible] [illegible] тории»...»

[illegible] задержать процесс развала.

[illegible] считать наиболее [illegible] [illegible]

[illegible] в [illegible] степени [illegible] на мой вопрос о том, как он [illegible] на Кубани [illegible] их [illegible] до Покрова, т. е. до первого октября

(дня праздника Покрова Пр[illegible]й Богородицы), так вот и он Бес-[illegible], и в правительстве уже не состоит.

[illegible] не желая свести начатый мною вопрос к полушутке [illegible] моменту, я изложил нашу линейскую точку зрения [illegible] выход из создавшегося положения [illegible] общего [illegible] борьбы с большевиками, [illegible] Кубани [illegible] Бескровному [illegible] на Кубани [illegible] фронта [illegible] борьбы с большевиками [illegible] кубанских [illegible] кубанского правительства [illegible] Кубани [illegible] Правительство [illegible] программу [illegible] данных.

У [illegible] руки развязаны в отношении добровольцев. [illegible] наши стремления к восстановлению государства российского у добровольцев нет. Если б [illegible]

[illegible] свободы печати и свободы голосования.

[illegible] что хорошо было бы подумать [illegible] кубанской молодежи [illegible] получить [illegible] отобранных молодых людей (в том числе сына К. А. Бескровного), — развивал свою идею Бескровный, — надлежит послать в Северную Америку, ассигновав на это соответствующую сумму денег из краевой казны. Вместе с старшими руководителями с ними должны поехать [illegible] кубанских общественных деятелей. На последних могли бы быть возложены дополнительные поручения экономического

[illegible] это дело обреченное...

[illegible] общее решение»...

[illegible]

[illegible] лась очень сомнительной.

[illegible]

[illegible] мог пойти на подобную комбинацию.

[illegible] «На местах же [illegible] старый режим»... и т. д.

ГЛАВА XXV.

[illegible] было [illegible] Дона, Кубани и Терека. В конечной её части, кроме [illegible] [illegible] со стороны же [illegible] [illegible] генерал Деникине [illegible]

[illegible] казачьего быта»...

[illegible] очень далеко.

[illegible] были не более сго- [illegible]

[illegible] Однако, [illegible] к общего- [illegible] и управления, [illegible]

[illegible] власти, а в порядке [illegible] краевой, и наконец, 3) что и в порядке законодательства и управления относится всецело к власти краевой

[illegible]
«принцип»...»

[illegible]
единой власти — «Воз остался и ныне там».

[illegible]
навстречу расширения прав «иногородних».

[illegible] (1917-1918 г.г.) по разъединению краевого населения.

[illegible]
стрелы.

[illegible]
провокации»...

[illegible]

[illegible]

ГЛАВА XXVI.

[illegible]

[illegible] прежнего состава на 24 октября 1919 года.

[illegible]

[illegible] щего члена рады).

[illegible] же настоящие вожди казачества в лице генералов Мамонтова и Гусельщикова» — «не желающие вонзать казачеству нож в спину» и т. д. Всю эту тираду нужно было понимать, как жестокий

ГЛАВА XXVII.

[illegible] ответа, как нет его и до настоящего времени.

[illegible] было следующее:

1) [illegible]

Каков смысл интервью?

Способностью «заховывать свои бажанья» [11]) г. г. Макаренко, Быч, Бескровный обладали в совершенстве. Их двуличие всегда было тяжелым испытанием для тех, кто вынужден был иметь с ними дело. Но все же некоторые выводы, как сказано выше, из интервью можно было сделать.

Первым было то, что с войсковым Атаманом Филимоновым они решили кончать. Утверждение на атаманском посту своего человека (Быча) было ими предрешено. Но Быч в это время, как было известно, из Екатеринодара отсутствовал. Газеты, однако, сообщали о его приезде в Константинополь и даже будто бы о выезде его оттуда, куда-то ближе к Екатеринодару. Далее, нельзя было допускать мысль, что П. Л. Макаренко и его друзья желали бы приостановления наступательных действий против большевиков, но против Петлюры, развивающиеся военные действия они безусловно хотели сорвать. Впрочем, в скобках тут справедливость требует отметить, что мы сами — деникинцы считали эти действия Главного Командования на Украине большой ошибкой, но во всяком случае здесь принцип — «худой мир, лучше доброй ссоры» — должен был бы считаться «общероссийским благоразумием».

К идее Всероссийского Учредительного Собрания Макаренко, как и его друзья, — относились с большим [illegible], а идее Южно-Русской конференции не верили и вовсе не хотели ее знать.

По обрисованным «самостийным» [illegible] Макаренко, очевидно, желал по примеру в свое время предложенному Л. Л. Бычем в Краевой Раде в 1918 году по системе южно-русского союза (конфедерации) с Украиной но, может быть, без России. Установление энергичного [illegible] курса согласованно с черноморским большинством, считалось совершенно необходимым, [illegible] до того, что быть может, придется рубить «гордиев узел». Допуская возможность эксцессов на почве политической борьбы между кубанцами и сторонними элементами, можно считать добровольцами. Какой к обострению кризиса, конечно, все и так же — Петлюра отступил и уже оставил пределы Украины. Его предложение сотрудничества, сделанное через полковника Стрижевского (см. выше), Деникиным было отвергнуто. «Остатки петлюровцев, как сообщалось в газетах, «бежали перед добровольческими войсками».»

«Возможны и эксцессы и то, что, может быть, придется «рубить гордиев узел», — эти заявления Макаренко в его интервью показывали, что черноморские руководители допускали возможность в какой-то момент борьбы на два фронта, а сами не имели возможности собрать силы, на выбор момента борьбы, это предопределяло исход борьбы не в пользу зачинщиков.

---

11) Бажанья — желания.

У них не было связи с кубанскими войсками, за исключением [illegible] и боевым отношениям гарнизонных частей в роде [illegible], состоявшей по преимуществу из [illegible]. Все [illegible] командиры кубанских частей [illegible] враждебно [illegible] к „самостийному“ большинству Рады [illegible] кубанским демократическим учреждениям и [illegible] случае всегда было [illegible] монархо-централистиче- ских [illegible] тем более [illegible] фронта при таких условиях было, действительно, безумием.

ГЛАВА XXVIII

[illegible]

[illegible], была [illegible] Рады, она [illegible]

[illegible] остальные или воздержались, или ответили отрицательно.

[illegible] Рады в разное время возвратилась домой на Кубань. При этом Н. С. Долгополов прибыл с огромным транспортом медицинского и [illegible] имущества и занялся распределением его между кубанскими и другими русскими лазаретами. Савицкий [illegible] хозяйственными [illegible] Л. Л. Быч, Калабухов и в какой-то степени Намитоков продолжали оставаться в Париже [illegible] свои дипломатические способности при [illegible] положении [illegible] самой делегации.

[illegible] к открытию Краевой Рады 24-го октября 1919 г. [illegible] прибыл из Парижа [illegible] А. И. Калабухов [illegible] доклад Быча Краевой Раде. [illegible] «[illegible]», которая [illegible], видимо, для широкой публики, Калабуховым были [illegible] в газетах. [illegible] [illegible] [illegible] каком направлении [illegible] «доклад» [illegible] кубанское общественное мнение, но осторожно [illegible] разных предположений.

[illegible] интерес в Париже [illegible], — согласно [illegible] к русскому вопросу, — [illegible] Колчака [illegible] общероссийским [illegible] Колчака [illegible] стояли лишь элементы [illegible] и реакционные, демократические же элементы от него отшатнулись. Из русских элементов [illegible], как [illegible] [illegible] Сам Быч [illegible] в [illegible] Колчака с Керенским, Аргуновым и др...

[illegible] успехи Быча при разных [illegible] [illegible] Тогда кубанская [illegible] у президента Северо-Американских Штатов [illegible]. На содержание этой аудиенции в особой [illegible] и [illegible] что кубанцев [illegible]. Просто [illegible] кончилось, [illegible], лишь тем, что Быч [illegible] президента Северной Америки и к [illegible] каких-то [illegible] фраз общего характера. Конкретных выводов в пользу Кубани из произнесенных фраз сделать было нельзя.

ГЛАВА XXIX.

«ДОГОВОР ДРУЖБЫ».

[illegible]

[illegible] ленной

[illegible] сыграть и сыграл печальную роль.

[illegible] Атаманом

[illegible]

[illegible] Султан-Шахим-Гирея...

[illegible] разрыву.

[illegible]

произнесенную самим А. И. Кулабуховым фразу: — «Мне некоторые друзья в кавычках советуют скрыться от якобы грозящей опасности в связи с приказом ген. Деникина. Но этого не бывало. Я остаюсь и буду продолжать свое дело». Так же громко, чтобы все слышали, я отозвался:

— Не [illegible] к своим [illegible] Алексей Иванович, — в кавычках или без кавычек, — и я от всей души [illegible] бы вам [illegible], и как можно скорее.

[illegible] 1919 года генерал Покровский [illegible] приказ № [illegible], в котором [illegible] Кубанского Края [illegible] своем и обя[illegible] всей Кубани.

[illegible] [illegible] от [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] на [illegible] Н. [illegible] [illegible] раздражения.

[illegible] № [illegible] [illegible] от [illegible] вать всю массу.

[illegible] — [illegible] улицы [illegible] места для [illegible], из своих соображений, [illegible]. Среди этой [illegible] контроля публики [illegible] [illegible] кие агенты. [illegible] 31 [illegible] перед [illegible], но уже [illegible], вдруг к барьеру амфитеатра приблизился [illegible] в солдатском обмундировании с солдатским

георгиевским крестом на груди, с евангелием в руках, подни-мая последнее, завопил:

— С нами Бог разумейте языцы!
— Деникина дракона объявляю вне закона...
— На Колчаке мертва голова...

Публика [illegible] кто куда. Макаренко, председатель, мет-нулся за кулисы...

Крикуна [illegible] Но очень [illegible]тельна была его центральная фраза...

ГЛАВА XXX

В НОЯБРЕ 1919 ГОДА

Стороннее сообщение офицера корниловца В. Ф. [illegible]

Весной 19[illegible] г. по рекомендации [illegible] из моих друзей ко мне [illegible] некий В. Ф. [illegible] и рассказал, что он один из бывших корниловцев, [illegible] в конце Великой Войны [illegible] корниловский бата-льон, [illegible] боях [illegible], [illegible] благодаря случайности [illegible] к большевикам, каким-то чудом [illegible] от них. В эмиграции [illegible] Впечатление от него и его рассказов (он заходил ко мне несколько раз) [illegible] поверхностной отсебятины.

[illegible] часть его рассказа:

«[illegible] Париже в Екатеринодар вернулся Калабухов для доклада Раде о работе ее делегации за границей. [illegible] Деникин [illegible] приказ Атаманам казачьих войск — Дона, Кубани и Терека, [illegible] губернаторам и главнокомандующим областей вооруженных сил юга России: «Всех [illegible] на этих территориях Быча, Калабухова, С[illegible], Намитокова — немедленно их арестовать и предать военно-полевому суду по обвинению в государственной измене»...

Кубанский Атаман Филимонов и председатель правительства Курганский заявили Деникину, что из названных лиц на территории Кубани находится Калабухов, но аресту и преданию военно-полевому суду члены Рады он не подвергнет без согласия самой Рады. Деникин приказ повторил. Филимонов ответил, что у него нет сил приказ привести в исполнение. Тогда Деникин объявил всю территорию Кубани тыловым районом Кавказской армии и подчинил командующему тыла, то есть территорией Кубани, генерала Покровского, следовательно, для того, чтобы привести приказ в исполнение.

«До назначения генерала Покровского, — отмечает Потапов, — я подчинялся непосредственно коменданту г. Екатеринодара, а с назначением ген. Покровского был подчинен, вместе с 15-ью офицерами команды, непосредственно ему. Мне было предложено следить за зданием Зимнего театра [illegible], где происходили беспрерывно [illegible] заседания Кубанской Рады. В течение двух ночей [illegible]. Часто [illegible] с [illegible] офицерами [illegible] зимние известных членов Рады».

«Наконец, [illegible] ген. Покровский решил произвести «операцию» над Радой [illegible] хитростью. Дело в том, что в самом гарнизоне Екатеринодара войска были ненадежны [illegible], кубанцы [illegible] больше были на стороне Рады. [illegible] к Екатеринодару [illegible] также были на стороне и в защиту Рады. Надежными частями гарнизона были Кубанское [illegible] военное училище и самая верная часть Добровольческой Армии — Единой Великой Неделимой России — моя команда, которая к этому дню имела более ста офицеров.

И вот ген. Покровский, как комендант города, назначает на 6-е ноября парад (смотр) частей Екатеринодарского гарнизона. Нужно сказать, что [illegible] из неблагонадежных. А Кубанская Рада 4-го и 5-го [illegible] все заседания, охраняемые [illegible], довольно сильным своим караулом.

На парад войска были выстроены в особом порядке: [illegible] Покровского (против Собора), затем Кубанское Военное Училище, против театра, где заседала Рада, были выстроены юнкера и моя команда с пулеметами, затем части, [illegible]. Покровский [illegible] театр [illegible] председателя Рады [illegible] генерала Покровского [illegible], что во избежание кровопролития [illegible] охранникам Рады, [illegible].

[illegible] побледнел и приказал начальнику караула, подчи-

н[illegible]шемуся только ему снять посты. Потом ему, как исполняющему обязанности председателя рады, был представлен список членов рады, которые должны быть выданы Радой для суда над ними... И вот выходят члены Рады... Испуганные лица, неподнимающиеся глаза... Но главного виновника, Кулабухова, в здании Рады не было. (Он был вызван Атаманом Филимоновым к себе во дворец и там арестован. (Я видел эту записку Филимонова, записку, вызвавшую Кулабухова на смерть,— это личный атаманский бланк.) Рукою Филимонова на бланке было написано: «Многоуважаемый Алексей Иванович! Прошу Вас немедленно, по очень важному делу, прибыть ко мне во дворец». И подпись: «Уважающий Вас А. Филимонов»...)

Что в Атаманском дворце произошло, мне рассказали поручик Н[illegible] и капитан, приехавший с ген. Покровским.

— У[illegible] время [illegible] приказание,— отмечает Н[illegible],— отправились к дому [illegible], где был штаб Покровского, чтобы усилить его охрану и принять арестованных.

По словам поручика Н[illegible], во дворце произошло следующее:

Филимонов обратился к Покровскому с просьбой: — Прикажите караульным обращаться с арестованными в корректной и вежливой форме. Покровскому это не понравилось. И когда Филимонов заявил, что на довольствие арестованным он будет отпускать деньги из войсковых сумм, что [illegible] арестованным могут [illegible] из ресторанов, то Покровский тут не стерпел и грубо заявил: — «Александр Петрович! Прошу Вас не [illegible] мне указывать, как обращаться и как кормить арестованных». И повернувшись боком к Филимонову, [illegible] с [illegible] около него: — Я их накормлю...

Арестованные — Роговец, [illegible], Феськов, Манжула, Омельченко, [illegible], Петр Макаренко и др. были помещены в одной большой комнате, Кулабухов же был помещен отдельно в маленькой, через коридор [illegible]. (По [illegible] от уборной.)

Когда [illegible] и [illegible], [illegible] от [illegible]: 1) поставить еще [illegible] (кроме [illegible]) к двери комнаты, где был Кулабухов, 2) [illegible] между собой остальным арестованным. [illegible] председатель Рады Макаренко (арестован был его брат Петр) и член рады [illegible] с помощью [illegible] убить самих [illegible]. Я [illegible] Караул был настроен весело...

[illegible] «[illegible] Ивана Макаренко [illegible] и Петра [illegible] Три раза [illegible]

Около 12 часов ночи был составлен военно-полевой суд под председательством полковника [illegible], члены войск. старш

Гетманом и др. На суде Калабухов виновным себя не признал. Он говорил, что действовал в соответствии с инструкцией, данной Краевой Радой и [illegible] что-нибудь не согласно с инструкцией, то может [illegible] судить Рада. Договор с горским Меджлисом был [illegible], Султан-[illegible] и Намитоковым лишь как [illegible], он может войти в силу лишь после рассмотрения и утверждения его Радой...

Однако суд признал его виновным, [illegible] за измену — повешение.

До приговора Калабухов держался спокойно и с достоинством. После стал сильно нервничать. Мне было его по-человечески жаль. Когда он попросил помочь ему — ответил, что я слишком маленький [illegible]. Надо просить Покровского о смягчении наказания. И я пошел к ген. Покровскому передать просьбу Калабухова его видеть. И в ответ услышал: — Скажите, что я не желаю разговаривать со сволочью...

Я передал, что Покровский не хочет его видеть и что остается одно — [illegible] прошение о помиловании, адресованное Главнокомандующему. Покровский, мол, не решает судьбы, [illegible] прошение о помиловании, адресованное Деникину.

Калабухов попросил бумагу, чернил и спросил, не знаю ли я формы прошения о помиловании. Я ответил: «Не знаю». Но [illegible] Вы ведь участник Корниловского похода. [illegible]

[illegible] формы прошения о помиловании? Просил Калабухов. И тут же [illegible]. [illegible] Не помню, [illegible] прошение Калабухова [illegible]. Но [illegible] и я [illegible] Покровский [illegible] Мне [illegible], который был [illegible]. В прошении на имя генерала Деникина Калабухов просит [illegible] от [illegible] Кубанской [illegible], которые [illegible] Добровольческой Армии, обещал [illegible] в будущем защищать интересы Добровольческой Армии. Когда я это прошение передал ген. Покровскому, то он меня чуть не съел глазами. По всему видно было, что он желал, чтобы я это прошение порвал. Покровский спешил повесить Калабухова. А тут еще вопрос: откажет ли Деникин в этом случае. Покровскому немедленно пришлось заказывать автомобиль и в час ночи ехать на телеграф, говорить

с Таганрогом по прямому проводу, передать прошение Калабухова. Я был уверен, что Деникин помилует...

Медленно тянулось время от часа ночи, приблизительно, до 3-х. Все это время я провел в комнате [illegible] арестованными». Сидел за столом вместе с П. Макаренко и [illegible]. Он мне понравился. Тип [illegible], с [illegible] жизни. Спокойствие духа. Насмехался над собой, над всеми. [illegible] он попросил у меня [illegible] и бумагу. Я дал. [illegible] деревья, потом [illegible], на одну из них Макаренко [illegible] и в нее [illegible] портрет. Потом бросил, говоря, что без зеркала не может [illegible] — намек на отобранные вещи. Я усмехнулся и сказал: «Не надо [illegible]» и передал последние [illegible] Врангель и он, а не Покровский решит вашу участь. Около 3-х часов ночи была [illegible] из Таганрога [illegible] Романовского телеграмма, которую [illegible] же [illegible] Калабухову: «по докладу главнокомандующему [illegible] прошение Калабухова о помиловании [illegible] резолюция [illegible]». [illegible] точно не помню.

Дали 30 минут на то, чтобы [illegible] жене последнее письмо. Калабухов написал коротенькое: «Дорогая Маруся! Я [illegible] умереть [illegible] и [illegible] — [illegible] детей [illegible] Алексей».

Перед тем, как увести Калабухова из комнаты, его сфотографировали. Вот он, [illegible] руки [illegible] в [illegible] черкеске, стоит, прямым [illegible]. [illegible] Бывало [illegible], во котором [illegible] Калабухова [illegible] и [illegible] помертвело.

[illegible] Калабухова [illegible] и [illegible] уже весь город [illegible] смотреть.

После [illegible] с Деникиным и Таганрогом было [illegible] всех [illegible] без прав, [illegible] на территорию В. С. Ю. Р. до окончания гражданской войны.

ДРАМА НОЯБРЬСКИХ ДНЕЙ 1919 ГОДА НА КУБАНИ

I

[illegible] и как это произошло

[illegible]

[illegible] групп и пр

[illegible]

и хуторах Кубани и пр., требования от населения материальных жертв и проч.

— Живая боевая сила двух соединившихся отрядов — кубанцев и добровольцев — была, приблизительно, равной, с быстрым ростом преобладания кубанцев в Армии. 4-го августа 1918 года состоялся торжественный въезд освобожденный у большевиков Екатеринодар при особо симпатическом настроении колонны въезжающих. Во главе ее бок-о-бок ехали генерал Деникин и Кубанский Атаман Филимонов. За ними, — председатель Кубанского Правительства Быч и начальник Штаба Армии генерал Романовский. А потом члены Кубанского Правительства в ряду с соответствующими по значению в Армии чинами.

Но уже на первом совместном, по занятии Екатеринодара, заседании кубанцев и добровольцев (12/25 авг.) произошло резкое столкновение точек зрения тех и других по вопросу, ставшему затем больным в кубанской политике, — именно по вопросу о Кубанской армии.

Начиналась новая эпоха, связанная с трагической, тайной и открытой борьбой, это была борьба за свои принципы двух начал: кубанского, — демократического, и добровольческого, — начала единоличной диктатуры, увенчанной на практике все более и более откровенными реставрационными устремлениями.

Знаменательно было то, что именно тогда впервые кубанцам пришлось услышать открыто выраженное суждение из стана добровольцев о том, что в будущем исторически сложившийся в России строй (монархия), должен быть восстановлен, при всех [illegible], правда, корректных. Высказывался тогда так генерал Драгомиров, только что прибывший на кубанскую территорию и назначенный председателем Особого Совещания.

При продолжении [illegible] (с начала совместной борьбы) переплетении кубанских общественных и военных элементов, усилилась в них та часть, в среде которой [illegible] не замечалось особенного [illegible] стремления к [illegible] создавшихся в процессе [illegible] потребностях [illegible]. В этой группе, как и в самих [illegible], наибольшую видную роль приобрели те, которые были идейными, а некоторые личными друзьями [illegible] и его окружения — кубанские [illegible], как передовыми их не разбирающимися в политических [illegible] улица.

К группе черноморцев примыкала небольшая, но [illegible] часть кубанских горцев, которая [illegible] идеями горского сепаратизма.

В противоположность добровольческой концепции единой и неделимой России в лагере указанной части кубанцев была усвоена своя особая концепция, официальная формулировка которой звучала, быть может, не столь определенно. По этой формулировке

вых [illegible], что части бывшей Российской Империи должны прожить определенное время самостоятельной государственной жизнью и [illegible] уже возможен процесс слияния в государственное единство этих частей. В виде очередной задачи считалось создание свободного Союза государственных образований Кавказа и Юга России с непременным включением в него независимых Грузии и Украины.

Мы, группа [illegible] кубанских общественно-политических деятелей, — [illegible], — мы [illegible] необходимым [illegible] всех [illegible] (свободного и добровольного) при установлении государственного строя в России. Мы [illegible] стоять на точке зрения [illegible] 1917 года, с ее [illegible] к [illegible] [illegible] кубанской [illegible] [illegible] Кубанской Рады [illegible] мало симпатичные для нас, по кандидата общерусской [illegible] А. И. [illegible], мы [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] 1917 [illegible] [illegible] [illegible] народов Кавказа и юга России».

[illegible] divide et impera.

В кубанской Законодательной Раде, куда был перенесен,

[illegible] См. Декларация [illegible] по [illegible] Ф. С. Сушковым в заседании Законодательной Рады 29-го января 1919 года

[illegible] Войсковым Атаманом [illegible] не получили

[illegible] подства в Краевой политике.

[illegible] тельной Рады.

[illegible] кругом друзей

[illegible]

[illegible] настроению большинства в Крае.

[illegible] тельными

[illegible] созываемое в экстренных случаях.

С [illegible] Атамана [illegible] Краевой Рады [illegible]

мог бы подвергнуться серьезному оспариванию. В отзывах запрошенных по этому поводу Кубанских юристов, дополнительно к этому указывалось, впрочем, что Краевая Рада 1918 года не была преемственно связана с Краевой Радой 1917 года и вышла из государственного переворота.

В [illegible]

[illegible] Атаману [illegible] Края [illegible]

[illegible] 21 [illegible] 15-го [illegible] Рады.

[illegible]

[illegible]

Неужели Кубань [illegible], что не могла породить двух, трех порядочных генералов.

[illegible] Рады и у части публики.

[illegible]

[illegible] Рады [illegible].

[illegible] Краевой Рады.

[illegible] Рады [illegible].

[illegible] Макаренко, [illegible] раздражение кубанского офицерства.

Тут же [illegible] приказ генерала Деникина о [illegible] Савицкого [illegible] Приказ [illegible], между прочим, к Кубанскому, Донскому и Терскому Атаманам.

В [illegible] сообщалось, что в [illegible] месяце между правительством Кубани и Меджлисом Горских народов заключен

договор, в основу которого положена измена России и передача кубанских казачьих войск северного Кавказа в распоряжение Меджлиса, чем обрекается на гибель Терское войско».

Далее указывались имена подписавших договор, — со стороны кубанцев — Быч, Калабухов, Савицкий и Намитоков, — со стороны горцев, — Тапа Чермоев и др. Последняя и наиболее опасная часть приказа заключалась в следующем:

«Приказываю при появлении этих лиц на территории вооруженных сил Юга России [illegible] предать их военно-полевому суду за измену» (Екатеринодар [illegible] октября 1919 года — № 016729 Деникин).

Приказ этот, сам по некоторым его [illegible] особенностям, [illegible] и по[illegible] [illegible] Не мог [illegible] в природе [illegible] кубанское войско, а [illegible] могли [illegible] чтобы [illegible] Армией [illegible] Юга России [illegible] бесспорным [illegible] слишком [illegible] divide et impera [illegible] защиту [illegible] этих [illegible] сферах [illegible]

[illegible]

«Кубанские [illegible] дискуссии...

[illegible] в кубанском [illegible] бы был [illegible] Ответ на этот вопрос [illegible]

В [illegible] Рады [illegible] Армией [illegible] все другие вопросы на задний план [illegible] делегацией, этим кубанке [illegible] между Кубанью и Добр. Армией».

Необходимо [illegible] катастрофические последствия приказа генерала Деникина...

II.

Но можно было считать выясненным, что Главное Командование Добровольческой Армии, приняв однажды решение о применении репрессий к кубанцам, шло [illegible] по намеченному пути.

Предназначены были лица [illegible] в жизнь задуманного, — генералы Врангель и Покровский. Оба они, — не кубанцы по происхождению, [illegible] к кубанцам, были приняты станицами в число своих членов. В [illegible] войну, командуя кубанскими [illegible] частями, они [illegible] одерживали победы [illegible] в Добровольческой Армии.

Генерал Врангель [illegible] Рада, но он [illegible].

— Все как будто бы [illegible] политический кризис [illegible] России [illegible] местной прессе.

В руках генерала Врангеля, нужно [illegible], [illegible] Кубанской [illegible] генералу Покровскому.

III.

2[illegible] ноября Совет Краевого Правительства постановил считать [illegible]

Кубанский [illegible] Кубанской Краевой [illegible] — «Сыны Кубани не [illegible]».

Пре[illegible] 2-го ноября [illegible] Краевая Ра[illegible] [illegible] Армии и Пр[illegible] путем посылки [illegible], [illegible]

Но [illegible] не получилось.

В Екатеринодаре между тем Рада, [illegible] самое себя, про

должала выслушивать доклады, поджидая поддержки от «братьев»: донцов, терцев и пр.

После докладов Султан-Шахим-Гирея, Гончарова, Тимошенко, Иваниса настала очередь члена Парижской делегации Калабухова. Очень пространно он рассказывал о том, как делегация, преодолевая различные препятствия, ехала в Париж, о ее деятельности в пути и о ее деятельности на месте, на Конференции Мира. Очень часто подчеркивались ее «бескомпромиссные демократические позиции». Невольно при этом у слушателей возникал сравнительный образ того, как эти сторонники «бескомпромиссного демократизма» были далеко не столь последовательными демократами, когда стояли у кормила краевого управления.

IV.

В связи с назначением Покровского командующим тылом, Рада, приняла особую резолюцию, в которой содержался протест против этого, объявлялось, что вся гражданская и военная власть в пределах Кубанского Края принадлежит исключительно органам высшей власти, установленным кубанской конституцией. Войсковому Атаману и Краевому Правительству предложено было соблюсти неукоснительное применение кубанской конституции.

В отношении Атамана здесь, как и в других случаях, сказывалась вся растерянность и ошибочность тактики большинства. Дискредитируя Атамана в Раде, — она апеллировала к его авторитетности при необходимости.

Конечно, из этого ничего путного не могло выйти.

Атаман в заседании Рады 3-го ноября поставил вопрос ребром:

— Если Рада идет на разрыв с Добровольческой Армией, то он, Атаман, просит освободить его от высоких полномочий.

Это была, во всяком случае, ясная постановка вопроса.

Большинство должно было принять окончательное решение, продолжать ли развивать задуманное и, следовательно, переходить к решительным действиям, или — бить отбой.

В этом же заседании Рады П. Л. Макаренко выступил с необыкновенно пространной речью о том, как тяжело переворачиваются страницы истории, какой тяжелой стопой ходила в свое время по полям Европы конница Аттилы, с каким бессердечием дробила человеческие кости в другие века колесница истории. Речь отличалась большой образностью и была несомненно глубоко продумана. — Сейчас наш черед, — заявлял оратор большинства. Колесница русской истории безудержно катится в направлении восстановления единой и великой России, — хотим мы этого или нет.

Можно было воспринять это, как отбой по всему фронту. Но это высказывалась лишь одна сторона.

В Екатеринодар Покровский прибыл не один. С Царицынского фронта Кавказской армии было снято два полка кавалерии, командиры которых были [illegible] Покровского офицеры. Полки были расквартированы в ст. Пашковской, [illegible] совсем рукой подать до Екатеринодара.

По [illegible] телеграфных лент линии [illegible] Екатеринодар, [illegible], видно, что генерал Врангель [illegible] свой приказ о [illegible] Покровского через Науменко 2-го ноября, в 10 ч. 30 м. утра за № 100, тут же подтвердил Покровскому приказ, чтобы через Науменко же, но [illegible] Командование [illegible] на срочном выполнении своего приказания», что «дальше медлить нельзя»...

V.

Несколько позже, неожиданно для себя, [illegible] того не желал, [illegible] даже от этого, пока было можно, я имел свидание с генералом Покровским, во время которого узнал:

1. У Покровского был в руках письменный документ, подтверждающий [illegible] распоряжение Врангеля о невозможности промедления.

2. [illegible] Покровский был [illegible] принять [illegible], [illegible] как будто даже колебался. Генерал Покровский несколько раз обращался ко мне через посланных и по телефону с предложением зайти к нему, чтобы переговорить по [illegible]. [illegible] с генералом Покровским у меня не было.

По телефону ко мне звонили на квартиру [illegible] Покровским офицеры приходили ко мне, домой, [illegible] в Раду, а другой раз, не застав меня дома, в здание Областного Правления. Мне совсем не хотелось [illegible]. Ничего [illegible] от [illegible] столкновения двух сил я не ждал. Я [illegible] положении усилий, чтобы не [illegible] еще [illegible] Рады. Теперь внутри Рады, в качестве [illegible], по мере сил, [illegible] общее напряжение, [illegible], что, каждый выигранный день, даже час принесет с собой желательные добрые изменения в ходе событий.

По телефону и посланным офицерам Покровского, я давал один и тот же ответ: [illegible] генерале Покровском я [illegible]

не имею, а если ему угодно меня видеть, я дома бываю тогда-то и тогда-то.

И вот уже 3-го или 4-го ноября ко мне пришел генерал Н. М. Успенский. Я всегда относился к нему с большим уважением. Отозвав меня в сторону, он сказал, что ему известно о приглашении меня к себе Покровским, и о моем отказе пойти к нему. Так вот теперь он, Успенский, пришел ко мне и советует мне пойти к Покровскому.

Быть может, мне удастся предотвратить многое [illegible]

Посоветовавшись тут же с ближайшими политическими друзьями, я [illegible] Успенским [illegible] на следующий день утром к Покровскому. [illegible] своих [illegible], я на утро пригласил к себе [illegible] своих политических друзей, а также [illegible] — К. А. [illegible], к этому времени уже не состоявшего членом Правительства. Предупредив их всех, куда иду, я [illegible] рассказать [illegible] содержание разговора с генералом Покровским — в руках которого было в те дни судьба Кубани.

Нужно отметить, что жизнь в [illegible] Екатеринодаре была [illegible] сыском. Кроме обычных [illegible] контрразведок [illegible] Командования и Кубанского Правительства (и, конечно, большевиков), действовала, по-моему, контрразведка ген. Покровского, и, [illegible], — а может быть, [illegible], — контрразведка [illegible] Рады. [illegible] я имел случай убедиться, что мой [illegible] перекрестным [illegible]. Приходилось сохранять обычное передвижение и все делать так, чтобы все [illegible] пошел туда-то, сказал то-то.

— [illegible] — [illegible] — сказал генерал Покровский.

[illegible] со мной, [illegible] не [illegible]. Он [illegible], [illegible] на Кубани [illegible] положения [illegible] у него сложилось мнение, как о [illegible] большими интересами Кубани и [illegible] — вот почему он хочет со мной потолковать.

Он [illegible] при этом [illegible] стакана [illegible] — оказывается [illegible], — [illegible] себе и [illegible] меня. Затем [illegible] мне [illegible] часть документа — [illegible] письма, [illegible] незнакомым мне тогда почерком. [illegible] было так, что [illegible] прочесть.

В этой части письма Покровскому предлагалось провести необходимые действия, арестовать известных ему членов Рады

[illegible]

До глубины души я был возмущен этим.

[illegible]

[illegible] делешное приказание.

— [illegible] заметил я.

— [illegible] тихнут.

[illegible] и продолжала свою работу.

— [illegible]

[illegible]

[illegible]

— [illegible] нов) не годится.

Намек был слишком определенный.

[illegible] у него, Покровского, может

быть только следующая дилемма: или он, Покровский, агент Главного Командования, назначенный им генерал-губернатор, — и тогда у нас не может быть никакого другого отношения к нему, как состоящего противодействия, или он, — кубанец, — тогда он может отказаться от взятой на себя роли и прекратить все недостойное начинание.

Я указал при этом, как естественный ход событий в Раде приведет уже к тому, что вожаки большинства придут к сознанию своих ошибок, и последнее выступление в Раде П. Л. Макаренко, — яркое тому доказательство. Он признает неотвратимость «поворота колеса истории» в сторону «единой» России.

— Да, но это сегодня, а завтра они опять примутся за свое.

У меня не было охоты распространяться на тему о значении парламентских способов борьбы с крайностями, и я кратко еще раз подчеркнул, что для меня приемлем только этот путь, при другом способе действий на мое сочувствие, а тем паче на мое сотрудничество, никто не может рассчитывать.

Я высказал также свое мнение о том, что ему, Покровскому, если он хочет договориться с нами, — надлежит поговорить с теми из кубанцев, которых это дело касается ближе всего, — с вожаками большинства.

— Да, но они меня боятся, они ко мне не пойдут.

Мне оставалось лишь указать нейтральное место, — дворец Атамана или квартиру председателя Правительства, — где обе стороны друг друга не боялись бы и могли бы свободно встретиться и поговорить.

На этом мы расстались.

Затем я передал весь разговор [illegible] и затем к Кубанскому Атаману.

Атаман встретил меня в сильном возбуждении. Не дав мне начать, он спросил, был ли у меня Покровский. Оказывается, он просил устроить ему свидание с членами Рады, П. Л. Макаренко, Бескровным и др. Признаться, я удивился такой сильной восприимчивости Покровского к выраженному мною мнению.

Нужно сказать, что Атаман тоже отнесся сочувственно к идее непосредственных переговоров Покровского с влиятельными членами. Так мне тогда, по крайней мере, показалось. Сообщить ему содержание моего разговора с Покровским я считал себя обязанным, как Атаману. Рассчитывать же на его ответную предупредительность, — на посвящение меня в ход его мыслей и намерений или на сообщение разговора его с третьими лицами, я не мог. Лично близких отношений с А. П. Филимоновым у нас никогда не было, а мое официальное положение — члена Рады — не было таким, чтобы обязывать Атамана делиться со мной своими планами

В своей статье «Разгон Кубанской Рады» ген. Филимонов передал о своих переговорах с Покровским в несколько другой связи и как будто бы в другой последовательности. Но это уже нужно оставить всецело на его ответственности. До прочтения его статьи мне не были известны перипетии его сношений с Покровским в течение 5-го ноября.

VI.

В вечернем заседании Краевой Рады 5-го ноября на очередь были поставлены какие-то второстепенные вопросы. По хладнокровному спокойствию некоторых из «[illegible]», все предшествующие дни [illegible] энергии протеста и порыва, можно было сделать заключение, что тучи начинают рассеиваться и бури не будет.

Впечатление это настолько у меня было определенным, что я счел возможным очень рано уйти с заседания.

Ночью, часов около двенадцати, меня разбудил резкий телефонный звонок, а, когда я взял трубку, один из приятелей членов Рады просит меня немедленно прийти в Раду.

Двери театра, где помещалась Рада, были теперь заперты и у входов стояла стража. Пустили меня внутрь лишь после того, как [illegible] от Председателя Рады особого разрешения.

В зале заседания, несмотря на поздний час, [illegible] Рада [illegible], объявлен перерыв, не выходя из зала, члены обсуждали какое-то исключительное положение. Переговоры между [illegible] Атаманом Филимоновым с одной стороны и председателем Рады Ив. Л. Макаренко, С. Ф. Манжулой и [illegible], с другой стороны, происходили [illegible] Макаренко и Манжула [illegible] Войсковой Атаман [illegible]. Тот [illegible] к себе [illegible], как к Войсковому Атаману.

Направляясь в зал, чтобы занять там свое место, я столкнулся в узком проходе с другим братом Макаренко, Петром Леонтьевичем, который в большом возбуждении произносил бранные слова [illegible]. Не успел я занять своего места, как председатель Рады Ив. Л. Макаренко открыл заседание и, произнеся одну-две фразы о предательстве Атамана, прокричал, повторив последнюю фразу несколько раз:

– Нет у нас Атамана! Нет у нас Атамана!

Сам при этом был страшно бледный, а голос у него какой-то пискливый, как бы придушенный.

Рада оцепенела от неожиданности и, нужно думать, от убийственного вида своего председателя.

О[redacted], успе[redacted]

— Кому прикажите власть?

Слабый голос подсказал, был[redacted]

— Президиуму Рады...

Но [redacted] В [redacted] сигнала раздалось громко:

— Так зачем же вы его выбирали?..

А потом уже много голосов закричали:

— Есть у нас Атаман! Есть у нас Атаман!

О[redacted] член Р[redacted] Пр[redacted] слова.

Само-собой установился перерыв.

С[redacted] И. Л. М[redacted] надежность их «предприятия».

Н[redacted] А. П. Ф[redacted] минут до[redacted], как А[redacted] В[redacted] если Раде то будет угодно.

Р[redacted] одного.

И. Л. М[redacted] Рады [redacted] скрылся.

В б[redacted] Филимонова многих, [redacted] при [redacted] в т[redacted] Речь она все о том же [redacted] приказе Деникина, о п[redacted] Войсковому Ат[redacted] его и не [redacted] роковых его последствий.

В [redacted] Ф[redacted] перед [redacted] не первый гражданин [redacted] Края и не [redacted] защитник [redacted] Войска, а человек, [redacted] для себя лишь роль [redacted] ходатая.

Я пойду на прямой провод, я буду просить, буду умолять генерала Деникина...

Утомленные до крайности, деморализованные члены Рады стали расходиться. Ушел и Атаман. [illegible] представлял из себя [illegible] картину. Члены Рады разбились на группы. Шли переговоры, [illegible] в [illegible] [illegible] до острых столкновения.

К. Л. Бардиж [illegible] предлагал мне [illegible] меня лично переговорить с генералом Покровским, но мне представлялось это бесцельным.

В общей суматохе я как-то и не успел выяснить ту цель, что послужило ближайшим поводом для роспуска Краевой Рады. Впоследствии пришлось узнать, что ген. Покровский через Атамана [illegible] предъявил Раде в виде ультиматума особое требование о выдаче ему для предания военно-полевому суду членов Рады — Калабухова, двух братьев Манжула, Макаренко, [illegible], [illegible], Воропинова и др.

VII

Все эти [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Нужно было [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] с [illegible], чтобы начать действовать.

Назначенный Рада [illegible] Атаман А. П. [illegible] была очень слаба. Покровский [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] на [illegible] постах власти.

Для [illegible] [illegible] [illegible] было [illegible] не допустить кровопролития и [illegible] [illegible] [illegible] намеченных лиц.

За генералом Покровским [illegible] [illegible] слава жестокого человека, быть может, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] цель для [illegible] частных [illegible] была бесконечно трудной.

Рано утром 6-го ноября часам к 10 утра мы, совершенно того не ожидая, были приглашены Атаманом на «совещание» во дворец. Не успели мы обменяться между собою мнениями, как вышедший из комнаты по чьему-то вызову Атаман вскоре возвратился и ввел с собою генерала Покровского.

Развязно поздоровавшись с нами, он уселся рядом с Атаманом и в дальнейшем повел себя так, как будто все наше «совещание» было созвано Атаманом по его, Покровского, инициативе. Произнесенная им краткая речь содержала прежде всего уверение, что ему, как кубанцу, хотелось бы полного преуспеяния Кубан-

скому Войску, но он вместе с тем солдат и, получив приказание Главнокомандующего очистить тыл армии от разлагающего ее элемента, он должен выполнить это приказание и вот почему он настаивает, чтобы определенные лица понесли заслуженную кару.

Его интересует, что думаем мы по этому поводу.

Мы, члены Рады, высказываясь кратко, но все одинаково категорически заявили о своем абсолютно отрицательном отношении к мерам жестокой расправы с политическими противниками — членами Рады. В Раде мы с указанными лицами боролись, но борьба эта была чисто внутренней, и мы не можем допустить, чтобы кто-либо из посторонних вмешивался в нее, а тем более с угрозами репрессивными мерами.

Коль скоро вопрос идет об угрозе репрессиями, мы против этого можем только протестовать и с этим всеми силами бороться. Ф. С. Сушков, высказываясь, облек постановку вопроса еще более острую форму:

— Если вешать, то извольте первыми вешать нас.

К высказанному нами присоединился, с обычной скромностью фразы, и генерал Н. М. Успенский:

— Чтобы не было каких-либо недомолвок.

Более пространно, и также с полным отрицанием репрессий говорил Войсковой Атаман Филимонов.

Главнокомандующий [illegible] несомненно смущен [illegible]. Уже с меньшей самоуверенностью он заявил, что вообще идет совсем не о расправе с [illegible] лицами, необходимо лишь их обезвредить. Он де сам против крайних репрессий, поэтому хорошо было бы, если бы [illegible] сами [illegible] бы [illegible], а он ручается, что даже «волос не упадет с их головы»...

Сказав это, он посмотрел на часы, которые носил браслетом на руке, и [illegible] до [illegible], он [illegible] время (он назвал 11 или 12 ч.) [illegible] Новороссийск и Екатеринодар.

— У них [illegible] Войско [illegible]. А раз [illegible], я [illegible] указать путь движения. Если к этому времени [illegible] в наши руки.

— Подумайте господа...

Он вышел. За ним последовал Войсковой Атаман, в полуотворенную дверь видно было, как они рука об руку ходили по малому залу (во втором этаже) взад и вперед.

По нашему общему мнению было важно прежде всего выиграть время. Попав в положение людей, которым стала известна заблаговременно подробность намеченной кампании — войска

вышли, войска движутся и должны иметь реальную защиту, — мы решили довести до сведения заинтересованных лиц и всей Рады о сущности требования Покровского. Мы решили добиться от Покровского, быть может, менее торжественной фразы, но более реально формулированной гарантии жизни членов Рады, над которыми повис «меч» Покровского.

С общего согласия депутат Ф. Т. [illegible] взялся поехать в Раду и сообщить там и эту формулу гарантии и всю сущность разговора с Покровским.

После некоторого раздумья Покровский согласился, поставив вопрос так, что остальным из нас следовало бы остаться во дворце до получения вестей из Рады.

Временный арест?

— Как будто бы «да».

Чтобы не обострять вопроса и не доводить до крайности, мы не протестовали и согласились ждать.

[illegible] се, он вышел, и мы наблюдали через окна, как сев на лошадь, он во главе своего конвоя отправился по направлению Красной улицы, ведущей к Раде.

Через некоторое время, не особенно продолжительное, мы заметили автомобиль, и в нем П. Л. Макаренко, С. Ф. Манжулу, Г. В. Омельченко и др...

Спустившись со второго этажа, мы встретились с только что прибывшими в вестибюле дворца.

Уже позже, по направлению к Раде, я встретил второй автомобиль, в котором, среди других лиц, был также Ф. Т. [illegible] [illegible] члены Рады потребовали [illegible] ними во дворец.

В Раде [illegible], [illegible] Покровским [illegible]. Когда они выходили из зала, вся Рада — по предложению [illegible] ее помощника [illegible], — поднялась с мест «в честь уходящих».

Другая сторона до самого последнего момента ждала, по-видимому, всяческих осложнений.

Прилегающие к помещению Рады улицы были заполнены войсками при полном вооружении. Ближайшими к Раде стояли юнкера двух расположенных в Екатеринодаре военных училищ. Ими же — юнкерами — были заняты караулы у входа в Раду и внутренние помещения.

Обычно значение этих караулов было скорее почетно-декоративное. Занимались они казаками — в живописной военной форме, — бывшим конвойцами, чинами гвардейского дивизиона. Теперь острие меча караула должно быть против охраняемых, и генерал Покровский предпочел заменить конвойцев юнкерами.

После ареста названных членов Рады ген. Покровский устроил «парад войскам».

Ив. Л. Макаренко, К. А. Бескровный и полк. Гончаров успели скрыться. [illegible] Пилим Гирей и Гатогогу Мурат были подвергнуты домашнему аресту в квартире [illegible] от черкесов Султан-Келеч-Гирея.

Когда был арестован А. И. Калабухов и [illegible] членов Рады, [illegible] Калабухову не было [illegible] совсем [illegible] советом, успел скрыться [illegible] себе [illegible] бессилиности при пассивности [illegible] Курганского. Как мне было сообщено, я [illegible] своевременно [illegible] Калабухову совет [illegible], как достоинств, [illegible] спасли свою жизнь во время скрывшиеся И. Л. Макаренко, К. А. Бескровный и [illegible] другие. Калабухов по [illegible] упорству пренебрег этим советом [illegible] скрыться в [illegible]

[illegible] А. И. [14] о том, что «[illegible] утром» к нему [illegible] список шесть человек, в том числе и Калабухова, [illegible] подозрительностью.

В местных [illegible] об обстоятельствах [illegible] ареста Калабухова, было напечатано [15]: «[illegible] Калабухов, [illegible] [illegible]

[illegible] Покровский [illegible] с К. А. Бескровным [illegible] между прочим о [illegible] [illegible] к моему рассказу, Бескровный сообщил, что [illegible] Рады [illegible] Кубанского Краевого [illegible] Калабухова [illegible], об этом ни [illegible] говорили газеты, я тогда Бескровного не спросил, и ни отрицать, ни утверждать этого факта не могу.

Лично я был тогда убежден, что Калабухов успеет скрыться. Отдавая себе полный отчет в создавшейся обстановке, а также в своих [illegible], я в свое время подал Калабухову соответствующий совет [16] и был уверен, что, учтя все обстоятельства — определенность намерений Покровского, с одной стороны, и свою беззащитность при пассивности правительства, с другой стороны, он не будет ожидать роковой развязки.

Описанный разговор с Покровским мы вели в плоскости предотвращения применения крайних мер вообще ко всем членам Рады, ареста которых добивался Покровский. Отправляемая Радой делегация к ген. Деникину, в которую вошел, между прочим, при-

14) См. Ф-в "Разгром Куб. Рады", Арх. Русской Революции
15) См. Приазовский Край от 9-го ноября.
16) См. выше

сутствовавший на собрании 6 ноября Ф. С. Сушков, также имела целью [illegible], как [illegible] приказа Деникина № 016729 о Быче, Калабухове и др., так и о прекращении расправы с членами Рады, находившимися в Екатеринодаре, в том числе опять-таки и о Калабухове.

В [illegible] Алексея Ивановича Калабухова [illegible], от [illegible] других членов Рады.

На другой день, 7-го ноября по Екатеринодару был расклеен следующий текст приговора военно-полевого суда над Калабуховым:

«1919 г. ноября 6-го дня, г. Екатеринодар».

«Военно-полевой Суд, учрежденный на основании приказа Командующего Войсками тылового района Кавказской армии от 6 ноября № [illegible] в составе председателя полк. [illegible], членов: [illegible], ес. [illegible], ес. [illegible] и ес. [illegible] рассматривал дело об Ал. Ив. Калабухове, казаке станицы Ново-Покровской Кубанской Области и признал его виновным в том, что в [illegible] текущего года он, в сообществе с членами Кубанской делегации Бычем, Савицким, Намитоковым, с одной стороны, и представителями Меджлиса Горских народов, — Чермоевым, [illegible], [illegible], [illegible], с другой стороны, подписал договор, явно клонящийся к отторжению Кубанских земель [illegible] и [illegible] Меджлиса, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 100 части 3-ей и 2-ой ст. 101 и 108 Уголовного Уложения и приговорил его к смертной казни через повешение».

«Настоящий приговор подлежит приведению в исполнение по утверждении Командующего Войсками тылового района Кавказской Армии». Подписи.

[illegible] «приговор военно-полевого суда утверждаю: Покровский».

Генерал Покровский [illegible] Рады [illegible] Щербина и др. перед ген. Деникиным [illegible] жестокой расправы с членами Рады.

Рано утром 7-го ноября на [illegible] площади А. И. Калабухов был повешен. На груди [illegible] была [illegible] «За измену России и Кубанскому казачеству».

— В [illegible] при этом [illegible] [17].

Генерал Врангель в особом приказе от 6 ноября 1919 г. № 3?7, [illegible], что [illegible] арест Калабухова и других [illegible] их военно-полевому суду [illegible]

[17]) См. "Утро Юга", № 250-278, 6-XI, 19 г.

дены генералом Покровским «во исполнение отданного» им — Врангелем — приказания».

«Пусть помнят», — писалось в приказе, — «имена» этих «десяти изменников» «те, кто попытался бы пойти по их стопам».

Случаем казни Калабухова, произведенной с намеренной поспешностью, подчеркивалась еще одна особенность зыбкого правосознания добровольчества этого периода. Калабухов был не снявший сана священник. В отношении суда над ним, священником, должны были поэтому выполняться особые канонические правила. Добровольчество, заявлявшее о своем призвании восстановить право и законность, в данном случае вопиющим образом нарушило и то и другое...

VIII.

В эти дни Екатеринодар представлял из себя в правовом смысле и моральном особый вид омертвелого поля.

Войсковой Атаман в лице носителя этого звания А. П. Филимонова [illegible].

Краевое Правительство, возглавляемое П. И. Курганским, который лично взял на себя также руководство работой ведомства внутренних дел, после ухода в отставку Бескровного, — это правительство, бывшее несомненно слепым орудием в руках большинства Рады, в эти дни ни в чем не проявило себя. Оно как бы совсем отсутствовало.

И бывало, что в Раде как-то подходит ко мне один из членов правительства — Иванис, — так, между прочим, в частной беседе на днях доказывавший экономическими выкладками невозможность существования самостоятельной Кубани. Теперь этот «министр» Иванис [illegible] у меня совета, как быть ему и безопасно ли для него будет [illegible] Покровского. Еще [illegible] Гриценко более «принципиальны» [illegible] у Врангеля, [illegible] в Екатеринодар, [illegible] и что генерал Врангель [illegible].

В городе, в Крае производились чьим-то именем аресты, насилия, схватывались люди, сажались в тюрьмы, среди семей схваченных ходила паника, что те бесследно погибнут.

«В такие часы трудно писать», заявлялось в местной газете. Но «как бы ни были тяжелы условия работы Краевой Рады, она должна остаться на своем посту до окончательной ликвидации назревшего хирургическим путем вскрытого кризиса. Кризис дол-

жен быть разрешен и ликвидирован с сохранением максимума народных прав». А в заключение: «Да не будет больше казней и арестов».

Это была общая формула ближайшей задачи момента, — не допустить больше казней, восстановить Краевую власть Атамана и Правительства.

Только Рада, пусть униженная и оскорбленная, — только она и через нее можно было добиться восстановления нормального режима в Крае.

В Екатеринодар прибыл из Кисловодска 7-го ноября генерал Врангель, верховный руководитель всей «кубанской операции».

«Сегодня, наконец, мне удалось исполнить давнишнее свое желание: довести до сведения Краевой Рады голос моей армии, — так начал свою речь генерал Врангель, заняв трибуну Рады по прибытии в ее заседание. Подчеркнув в дальнейшем свою «полную уверенность», что Краевая Рада, истая представительница родной Кубани, истый хозяин кубанской земли, поймет нужды «армии» и «как заботливая мать сыну» поможет ей, — генерал Врангель риторически воскликнул: — к сожалению, не от меня зависело, что голос армии не мог дойти до вас (Рады) — были люди, которым было это не на руку.

Следовало затем обвинение Законодательной Рады в невнимании к нуждам армии и лично к нему, генералу Врангелю: Законодательная Рада «не удостоила его приглашением, чтобы выслушать его пожелания». «Сейчас тех, кто позорил Кубань, отрекаясь от общей матери-России, к счастью, здесь нет». Суровый приговор вынесен тем, кто своими делами чернит [illegible] Великой России, «родной великий край» Кубани.

— Я глубоко преклоняюсь перед широкой областной автономией и правами казачества, — подчеркивалось далее. «Никогда я не позволил себе посягнуть на эти права, но я обязан спасти армию. И я просил ген. Покровского убрать тех, кто губит великое дело спасения России...».

В заключение он счел своим долгом сказать не как политик, а как «командующий армией» и «честный человек», «в чем [illegible]».

...Лишь тогда армия получит помощь, когда Атаман и Краевое Правительство будут иметь возможность пользоваться полнотой своей власти и будут ответственны лишь перед вами, г.г. члены Краевой Рады, перед истинным хозяином земли Кубанской».

В последних словах заключалась особая «конституционная» программа Командования в отношении Кубани. — Атаман и Правительство ответственны лишь перед Краевой Радой без наличия Рады Законодательной.

Рада избрала особую делегацию к генералу Врангелю, чтобы

настаивать на исполнении просьбы. В то же время в президиум невыясненным путем попала особая записка на клочке бумажки, в коей была изложена просьба — придти вечером к ген. Врангелю в количестве 7-8 из членов Рады, — фамилии их указывались (между прочим и моя).

Избранной Радой делегации ген. Врангель заявил о твердом своем решении «не откладывать исполнения в отношении захваченных членов Рады». Безнадежность, с какою возвратившиеся от Врангеля члены делегации (мы их встретили по пути к Врангелю) была такая полная, что некоторые из нашей группы даже заколебались, стоит ли идти, рисковать своим именем. Но сознание, что новая беседа с Врангелем и при этом беседа по его инициативе (а не лица близкого к нему) давала лишний шанс и заставило отбросить этом все другие соображения, и наша группа пошла.

Генерал Врангель в нашей беседе, действительно, стоял на своем «Решение его твердое, на его руке нет ни одной невинно пролитой капли крови». «Раз дело этого требует, он не может уступать слабости» и т. п.

Мы указывали ген. Врангелю на ошибочность мнения, что твердость власти заключается в репрессиях, что нас, кубанцев, вынесших тяготы гражданской войны, жестокостью запугать нельзя. Важна, наоборот, выдержанность на месте и способность предвидеть последствия того или иного шага.

Врангель на это сказал, что Главному Командованию важно иметь уверенность в обеспечении твердой и устойчивой власти на Кубани, что колебала эту власть Законодательная Рада, поэтому, необходимо уничтожить эту причину.

В заключение своих слов он взял со стола лежащий перед ним пакет и, развернув его, передал мне, ближе к нему сидящему. Оказалось, что был заранее заготовленный проект кубанской конституции с изменениями в ней, одобренный желаниями Главного Командования. При этом Врангель дал понять, что согласие Рады на принятие этих изменений влечет за собою перемену в судьбе арестованных членов Рады.

Его при этом назвали к принятому проекту для переговоров со стороны Главнокомандующего Ставки, он поразил нас тем временем ознакомиться с проектом, чтобы по его возвращении рассмотреть вопрос всесторонне.

В предложенном им проекте Законодательная Рада исключалась. Войсковой Атаман, избираемый Краевой Радой, перед ней же несет ответственность, а Правительство назначается Войсковым Атаманом, перед коим и несет ответственность. Таким образом новостью проекта было лишь то, что вместо неустойчивого правительства предполагалось создать неустойчивого Атамана. Вотум недоверия Атаману мог повлечь за собой и его отставку и отставку Правительства. У Атамана оставалось право роспуска Рады, но

при вторичном в тьме недоверия, он все-равно должен был подавать в отставку. Совершенно очевидной была широкая возможность всяческого произвола и внутренней борьбы. Нам не трудно было, по возвращении в вагон ген. Врангеля, уяснить ему эти особразности проекта.

Совершенно определилась при этом вся нагота «твердости» наших диктаторов:

— Или изменение конституции, или... жизнь одиннадцати захваченных членов Рады...

Пришлось раскрыть общую неудовлетворенность самих кубанцев своей конституцией, и что ее исправление является назревшей задачей. При данном положении вещей посторонний нажим принесет лишь вред, ибо придаст естественному пересмотру конституции характер вынужденности.

Врангель, прислушиваясь будто бы сам этими доводами, дал понять все же, что в данном вопросе он не может действовать самостоятельно и спросил при этом, сколько времени нам могло бы потребоваться для естественного прохождения через Раду вопроса о конституционных изменениях.

Мы ответили, что около недели.

— «Что?» — вмешался тут в разговор вошедший незадолго перед тем ген. Покровский. — Не думаю, что тем, о ком вы хлопочите будет особенно приятно целую неделю выжидать ваших решений, вися при том... под угрозой военно-полевого суда... — И указал при этом, что им уже отдано распоряжение изготовить одиннадцать виселиц.

Аргументация была сильная. Пришлось согласиться доложить Раде о требуемых конституционных изменениях в спешном порядке — «в течение суток».

Нам ставилось условие — уничтожение Законодательной Рады. Мы обязались ознакомить ген. Врангеля с общими правилами изменения, на которые согласится Рада до его отъезда из Екатеринодара, назначенного на после полудня следующего дня.

Когда мы, уходя, попросили разрешить одному из нас посетить заключенных и успокоить относительно их дальнейшей судьбы, то ген. Врангель, отклонив просьбу, дал нам слово сделать то же своими средствами. Впоследствии говорили, что никакого суда до того момента над заключенными и не было. Генерал Покровский прибег к своей аргументации лишь для побуждения нас к большей сговорчивости. Генерал Врангель, повидимому, знал это, но промолчал...

Мы получили из руки конституционный проект Главного Командования. Он был написан крупным почерком почти без помарок. Знающие люди говорили, что это был почерк проф. С-ва, «творца всяческой хитрой механики» при Главном Командовании.

IX.

Всю ночь у меня на квартире занимались мы составлением проекта изменений Краевой конституции. Утром были привлечены к работе радянские фракции, а в дневном заседании Рады изменения были приняты.

Кубанская Краевая Рада объявила:

«Кубанский Край мыслит себя неразрывно связанным с Единой Великой и Свободной Россией».

«Население Края сохраняет непоколебимое решение вести борьбу до конца в тесном союзе с Добровольческой Армией и всеми силами, борющимися за возрождение России через Всероссийское Учредительное Собрание».

Сущность конституционных изменений сводилась к тому, что вместо двух Рад, с плохо разграниченными функциями, устанавливалась одна Краевая Рада, избираемая «на основании особого закона». Для сохранения независимости Атамана проектировалось создание особого Собрания — Атаманской Рады — с единственной функцией — избрание Войскового Атамана на определенный срок. Правительство ответственно перед Краевой Радой. У Атамана оставалось право роспуска Краевой Рады, но вторичный вотум вновь собранной Рады недоверия Правительству обязывает Атамана переменить последнее.

Получив «пункты» с изменениями конституции в руки, генерал Врангель уехал из Екатеринодара.

Таким образом, Кубани было суждено испить до дна чашу унижения: то, что она сама собиралась сделать, что являлось естественным в результате пройденного опыта, ее заставили сделать под угрозой опустить меч на головы «непокорных».

«Быстрыми, чрезвычайно решительными действиями генерал Покровский выполнил мои приказания», в таких словах подвел итог своей деятельности в ноябрьские дни на Кубани генерал Врангель, беседуя с сотрудником Руссагена в г. Таганроге 10 ноября[18]).

Приведенные здесь документы и заявления говорят о другом или, во всяком случае, об ином изображении своей роли самим генералом Врангелем.

Нужно сказать, что вообще обстановка гражданской войны глубоко извратила обще-человеческие понятия о добре и зле, а также понятие о праве и справедливости.

Разбитая, деморализованная Кубань должна была изолированно искать выхода.

Краевой Раде прежде всего необходимо было самой сорганизи-

---

18) См. "Приазовский Край", 12 ноября 1919 г.

зоваться и создать внутренний распорядительный и рабочий аппарат.

9-го ноября Рада избрала меня своим председателем, дав мне также большинство, какого не получал ни один из моих предшественников. (Из общей массы голосов, если не ошибаюсь, было всего что-то около 90 шаров).

На следующий день 10-го ноября Войсковой Атаман А. П. Филимонов принес в Раду и положил на стол президиума Атаманскую булаву.

Слагая полномочия он произнес:

— Родные кубанцы, славные герои и многотрудные! Свою Атаманскую булаву, которую я нес с любовью и благословением, которой хотел оградить вас от многих бед и которую мои слабые руки не могли, быть может, крепко держать, — эту булаву я кладу к вашим ногам и прошу передать ее тому, кто сможет крепче держать ее в молодых руках.

Нужно было избрать Атамана, чтобы восстановить другое звено высшей власти в Крае.

По привычному мышлению казаков, а также потому, что существовало состояние войны, общее сознание склонялось в пользу избрания на пост Атамана лица военного.

Обычно выборы Атамана в Краевой Раде — дело весьма затяжное и обильно всякого рода недоразумениями. Здесь обошлось все более гладко. Все сознавали необходимость скорейшего выбора. Делегаты от всех радянских групп предложили более вероятного кандидата из наметившихся имен, генерала Н. М. Успенского и попросить его высказаться по поводу злободневных вопросов. Взгляды его оказались приемлемыми для всех, а слову его верили. Наутро решено было поставить его кандидатуру к баллотировке в Раде.

Генерал Покровский, о котором говорили, что он «спит и видит» атаманскую булаву в своих руках, попробовал было предпринять некоторые шаги в свою пользу, прислал записку в президиум, чтобы разрешили ему выступить в Раде, — но эта попытка была прекращена в корне.

При баллотировке Н. М. Успенский получил 358 избирательных из 404 голосовавших членов Рады.

Появившись в Раде после принесения присяги и получения булавы, новый Атаман с трибуны заявил.

— Я, как гражданин и кубанский казак, глубоко оскорблен и

[illegible] нам угодно.

[illegible]

[illegible]

[illegible] преследоваться и скоро совсем замерла.

[illegible] внимание нового Атамана.

[illegible] Деникин резко оборвал переписку.

[illegible]

[illegible] кое-чему в Чехословакии и т. д.

[illegible] частного характера.

[illegible] сдобровать.

[illegible]

ви[illegible] Новороссийск на свидание с арестованными. Всех, конечно, нашли в полной безопасности, в особом вагоне-теплушке. [illegible] ожидали того, [illegible] Мне удалось также снабдить высылаемых [illegible] крепкой [illegible], необходимой для первого времени суммой. Расставание вышло теплым и сердечным.

Перед этим генерал Врангель просил о свидании и [illegible] ему было назначено, помнится, часов в 6 вечера. Дело было на первый [illegible] день Рождества. Мы были вдвоем с Сушковым: он — Председатель Правительства и заместитель Атамана, а я — Председатель Рады.

Генерал Врангель прибыл совместно с генералом Шатиловым, *оба в черкесках при главных орденах.*

Предупрежденный генералом Науменко, генерал Врангель не допустил, чтобы мы ему сказали горькую истину, и предупредил нас своим заявлением, что он [illegible] откажется от поручения Главнокомандующего и срочно выезжает в Новороссийск.

После нескольких фраз об общем политическом и военном положении, Врангель и Шатилов, откланявшись, ушли и, кажется, в тот же вечер выехали из Екатеринодара.

Через короткий срок времени, после этого, они вновь явились на Кубань, когда генерал Врангель был уже назначен Главнокомандующим. Генерал Шатилов по-прежнему оставался при нем начальником штаба.

В это время со страниц [illegible] печати, претендовавших на [illegible] общероссийским мнением не сходили такие имена, как князь Евг. Трубецкой, Н. Н. Чебышев, В. [illegible], П. Б. Струве — имена, от которых можно было бы ждать больше сдержанности и вдумчивости. Но печать [illegible]. В особенности [illegible] В. [illegible] (в [illegible]). Его обращение к [illegible] черноморцам было совершенно недопустимым. [illegible] Москвы [illegible] Трубецкой [illegible] князь Трубецкой в газете «Великая Россия» (10.XI.1919) [illegible] из печальных кубанских событий [illegible] «Рада [illegible]» [illegible] Это есть то, что [illegible] «Рада [illegible], а [illegible] был повешен, они (кубанские казаки) покорно перешли к деловой работе»...

И [illegible] Теперь события на Кубани [illegible] окончательную [illegible] Кубанская [illegible] между [illegible] и Добровольческой Армией. В этом [illegible]

рона этих событий, они создали грань, через которую анархия к нам не переползет. Отныне мы будем строить Великую Россию без левых. Только так и можно ее выстроить»..

Дальше князь Трубецкой заговорил уже без экивоков о **хозяине...**

— Единственно чем мы можем победить «левых» — обещанием дать земле **хозяина.**

Князь Трубецкой выступал здесь в качестве смелого застрельщика. Однако, о своих более высоких единомышленниках он записал:

«Представители мысли государственной хранят робкое молчание».

По поводу происшедшего в Екатеринодаре в ноябре 1919 г. — казни Калабухова, члена Кубанской Краевой Рады (не сняв с него сана священника) генерал Деникин в свое время издал приказ, указав, что он долго ждал, что Кубанская Рада сама осудит вожаков, увлекших казаков к гибели, но этого, к сожалению, не случилось и потому он сам, не посягая на существование выборных казачьих установлений и на казачьи вольности, прежней и современной исторической ролью заслуженной, он применил власть главнокомандующего к преступникам. Иное пр[illegible] было в глаза[illegible]. Признанные казачьи заслуженные вольности во всяком случае следовало оберечь при наличии необдуманных порывов безответственных членов рады сохранить необходимую долю терпения в особенности при создавшейся тогда обстановке. Группа кубанских казаков «линейцев» твердо держалась своих служебных взглядов и твердо отстаивала свои позиции.

К моменту написания пятого тома своих «Очерков Русской Смуты» генерал Деникин имел более правильный взгляд на то, что временные российские правительства юга и востока, лишенные сознания твердой преемственности власти и установленной исторической традиции, не могли рассчитывать на скорое безболезненное и всеобщее признание Главнокомандующего и что в эпоху гражданской войны нужно было бы проявлять больше терпения и внимания.

Воспоминания казака

О РЕВОЛЮЦИИ и гражданской войне написано очень много воспоминаний и исторических трудов. Теперь эта уже достаточно обширная историческая и мемуарная литература пополнилась воспоминаниями Д. Е. Скобцова («Три года революции и гражданской войны на Кубани», Париж, 1965 г.), вышедшими в Париже в двух частях.

Автор воспоминаний — известный кубанский общественный деятель, после революции занимавший видные посты в правительстве Края и в Раде, и описывает он в них события, свидетелем или участником которых был. Д. Е. Скобцов придерживался умеренных демократических взглядов и был противником «самостийной» политики «черноморцев» (сам он был «линейцем» и был одним из лидеров линейской группы в Раде), от имени которых тогда выступали такие лица, как Рябовол, Быч, братья Макаренко, Безкровный, Калабухов, Омельченко и некоторые другие.

Сейчас, когда все, о чем рассказывает Д. Е. Скобцов, уже давно ушло в прошлое, события тех лет представляются не в том свете, в каком их видели участники борьбы, про-[illegible]ей на юге России. Многие тогда не понимали, что решается на многие десятилетия судьба великой страны. Вместо того, чтобы объединить все силы для спасения родины, люди с психологией и опытом провинциальных общественных деятелей, но возомнившие себя крупными государственными мужами, стали политиканствовать, заниматься мелкими интригами, вести бесконечные споры со своими противниками или же выступать против интересов России. Вся эта политическая возня имела лишь один результат: она ускорила трагическую развязку борьбы с большевизмом на юге России.

Тем кругам казачества, к которым принадлежал Д. Е. Скобцов, было нелегко сдерживать «самостийное» рвение главарей черноморцев, но все же им удавалось проваливать немало авантюристических проектов Быча, Рябовола и их единомышленников, и те страницы воспоминаний, на которых приводятся все подробности борьбы между двумя течениями, не только интересны, но и поучительны. Тут возникает один вопрос: нужно ли было казнить Н. Калабухова (он был священником, не снявшим сана)? На него автор воспоминаний не дает прямого ответа. Но, если не ошибаюсь, он эту казнь не оправдывает. Положение тогда, однако, было напряженным. Страсти все более разгорались. А. Калабухов совершил многое, что нельзя назвать иначе, как государственным преступлением. Но, во всяком случае, думается, можно было избежать одного: казни публичной. У некоторых генералов существовало тогда убеждение, что такой своего рода садизм производит устрашающее действие. Это, конечно, плод больного воображения: вид болтающегося на виселице или на фонарном столбе трупа производит отталкивающее впечатление и вызывает отвращение не к повешенному, а к тому, кто приказал повесить. Казнь Калабухова никакого оздоровляющего действия не имела и не способствовала улучшению отношений между Кубанью и Добр. Армией.

А эти отношения не всегда были хорошими. Повинны в этом были обе стороны. Со стороны кубанцев много неприятностей и забот командованию Добр. Армии причиняли все те же черноморцы, которые носились с мыслью об образовании какой-то южной федерации во главе с Украиной. Но и Добр. Армия совершила немало ошибок по вине тех реставрационных элементов, которые к ней примкнули. Эти ничему не научившиеся генералы и политические деятели причинили немало зла всему Белому Движению. В частности, они не были способны понять и казаков, и их демократические традиции. На этой почве происходило много недоразумений и столкновений. Чего стоит, например, лишь один ставропольский губернатор ген. Уваров, назначенный на этот пост командованием Добр. Армии. Этот генерал, как рассказывает Д. Е. Скобцов, «успел отдать ряд «ошеломительных» приказов»: один об аннулировании всех законов Временного Правительства», другой «об уничтожении преступников на месте преступления», третий «о конфискации ... торговцев и ... помещиков» и т. п. ...В одном из первых приказов он объявил, кого он избрал себе в сотрудники по охране города: бывшего самого старорежимного пристава и вручил ему всю полноту полицейской власти»... А, к сожалению, Уваров не был исключением. Разумеется, с такими людьми было невозможно сотрудничать.

Эпизоды борьбы с красными, походы, смерть генералов Маркова и Корнилова уже не раз описывались и возвращаться к ним едва ли нужно. Но несколько слов, может быть, стоит сказать о поездке кубанской делегации в Киев, а также о поездке заграницу другой делегации, возглавлявшейся Бычом.

В первую входили председатель Рады Рябовол, Безкровный (черноморцы), Скобцов, Каплин (линейцы), горец Султан-Шахим Гирей и Омельченко (нейтральный). В это время недавно избранный Донским атаманом ген. Краснов уже установил прочную связь не только с правительством Скоропадского, но и с немецким командованием, от которого он надеялся получить оружие и продовольствие, надеялись на это и кубанцы, особенно черноморцы, очень сочувствовавшие украинским сепаратистам. Однако, в Киеве, куда делегация добралась с трудом после ряда приключений в дороге, она убедилась в «полном господстве немцев», в «бессилии гетманского правительства» и в «призрачности вообще украинской государственности». Переговоры сразу зашли в тупик и вскоре делегация, ничего не добившись, уехала домой, оставив «на всякий случай» Рябовола.

Заграничная делегация была отправлена в Париж в начале 1919 года «для всестороннего содействия общему представителю государства Российского С. Д. Сазонову на Мирном Конгрессе и для представительства и защиты на нем интересов Кубанского Края». Возглавлял ее Быч, а заместителем его был И. С. Долгополов, который, впрочем, почти сразу же по приезде в Париж вышел из состава делегации, в корне расходясь с политикой Быча. Путешествие делегации длилось семьдесят пять дней. Уже в пути она стала проявлять кипучую деятельность: делала публичные политические заявления, писала программные меморандумы, жалобы и пр.

«Прибыв, наконец, в Париж, делегация издала 11 апреля 1919 года свой основной меморандум на восьми больших печатных не нумерованных страницах». В нем излагались география и история Кубанского Края. Но Кубань и казаки резко противопоставлялись обще-русскому населению. «О совместной борьбе против большевиков казаков и другой русской половины кубанского населения ограничились странным умолчанием», а «солидарность в борьбе была высказана лишь в отношении «естественных» союзников Кубани — Дона и Украины. К чему же сводилась просьба делегации? Не больше, не меньше, как к признанию Кубанского Края самостоятельным государственным образованием. Вместе с тем делегация просила о «моральной поддержке нашему правительству» и об оказании ему помощи.

Разумеется, все это ни к чему не привело, за исключением развала самой делегации. Но одним из трагических последствий выступлений Быча и его друзей была казнь Калабухова, который разделял и поддерживал их политическую линию. Это — одна из печальных страниц истории борьбы с большевизмом.

Воспоминания Д. Е. Скобцова, думаю, заинтересуют не только кубанцев, но и всех, принимавших участие в гражданской войне.

С. В.



ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОЙ КНИГИ

Стр.

Воспоминания казака

О РЕВОЛЮЦИИ и гражданской войне написано очень много воспоминаний и исторических трудов. Теперь эта уже достаточно обширная историческая и мемуарная литература пополнилась воспоминаниями Д. Е. Скобцова («Три года революции и гражданской войны на Кубани», Париж, 1965 г.), вышедшими в Париже в двух частях.

Автор воспоминаний — известный кубанский общественный деятель, после революции занимавший видные посты в правительстве Края и в Раде, и описывает он в них события, свидетелем или участником которых был. Д. Е. Скобцов придерживался умеренных демократических взглядов и был противником «самостийной» политики «черноморцев» (сам он был «линейцем» и был одним из лидеров линейской группы в Раде), от имени которых тогда выступали такие лица, как Рябовол, Быч, братья Макаренко, Безкровный, Калабухов, Омельченко и некоторые другие.

Сейчас, когда все, о чем рассказывает Д. Е. Скобцов, уже давно ушло в прошлое, события тех лет представляются не в том свете, в каком их видели участники борьбы, про[illegible]ей на юге России. Многие тогда не понимали, что решается на многие десятилетия судьба великой страны. Вместо, того, чтобы объединить все силы для спасения родины, люди с психологией и опытом провинциальных общественных деятелей, но возомнившие себя крупными государственными мужами, стали политиканствовать, заниматься мелкими интригами, вести бесконечные споры со своими противниками или же выступать против интересов России. Вся эта политическая возня имела лишь один результат: она ускорила трагическую развязку борьбы с большевизмом на юге России.

Тем кругам казачества, к которым принадлежал Д. Е. Скобцов, было нелегко сдерживать «самостийное» рвение главарей черноморцев, но все же им удавалось проваливать немало авантюристических проектов Быча, Рябовола и их единомышленников, и те страницы воспоминаний, на которых приводятся все подробности борьбы между двумя течениями, не только интересны, но и поучительны. Тут возникает один вопрос: нужно ли было казнить Н. Калабухова (он был священником, не снявшим сана)? На него автор воспоминаний не дает прямого ответа. Но, если не ошибаюсь, он эту казнь не оправдывает. Положение тогда, однако, было напряженным. Страсти все более разгорались. А Калабухов совершил многое, что нельзя назвать иначе, как государственным преступлением. Но, во всяком случае, думается, можно было избежать одного: казни публичной. У некоторых генералов существовало тогда убеждение, что такой своего рода садизм производит устрашающее действие. Это, конечно, плод больного воображения: вид болтающегося на виселице или на фонарном столбе трупа производил отталкивающее впечатление и вызывал отвращение не к повешенному, а к тому, кто приказал повесить. Казнь Калабухова никакого оздоровляющего действия не имела и не способствовала улучшению отношений между Кубанью и Добр. Армией.

А эти отношения не всегда были хорошими. Повинны в этом были обе стороны. Со стороны кубанцев много неприятностей и забот командованию Добр. Армии причиняли все те же черноморцы, которые носились с мыслью об образовании какой-то южной федерации во главе с Украиной. Но и Добр. Армия совершила немало ошибок по вине тех реставрационных элементов, которые к ней примкнули. Эти ни чему не научившиеся генералы и политические деятели причинили немало зла всему Белому Движению. В частности, они не были способны понять и казаков, и их демократические традиции. На этой почве происходило много недоразумений и столкновений. Чего стоит, например, лишь один ставропольский губернатор ген. Уваров, назначенный на этот пост командованием Добр. Армии. Этот генерал, как рассказывает Д. Е. Скобцов, «успел отдать ряд «оглушительных приказов»: один об аннулировании всех законов Временного Правительства», другой «об уничтожении преступников на месте преступления», третий «о вознаграждении проторей и убытков помещиков» и т. п. ...В одном из первых приказов он оповещал, кого он избрал себе в сотрудники по охране города: выкопал самого старорежимного пристава и вручил ему всю полноту полицейской власти»... А, к сожалению, Уваров не был исключением. Разумеется, с такими людьми было невозможно сотрудничать.

Эпизоды борьбы с красными, походы, смерть генералов Маркова и Корнилова уже не раз описывались и возвращаться к ним едва ли нужно. Но несколько слов, может быть, стоит сказать о поездке кубанской делегации в Киев, а также о поездке заграницу другой делегации, возглавлявшейся Бычем.

В первую входили председатель Рады Рябовол, Безкровный (черноморцы), Скобцов, Каплин (линейцы), горец Султан-Шахим Гирей и Омельченко (нейтральные). В это время недавно избранный Донским атаманом ген. Краснов уже установил прочную связь не только с правительством Скоропадского, но и с немецким командованием, от которого он надеялся получить оружие и продовольствие, надеялись на это и кубанцы, особенно черноморцы, очень сочувствовавшие украинским сепаратистам. Однако, в Киеве, куда делегация добралась с трудом после ряда приключений в дороге, она убедилась в «полном господстве немцев», в «бессилии гетманского правительства» и в «призрачности вообще украинской государственности». Переговоры сразу зашли в тупик и вскоре делегация, ничего не добившись, уехала домой, оставив «на всякий случай» Рябовола.

Заграничная делегация была отправлена в Париж в начале 1919 года «для всестороннего содействия общему представителю государства Российского С. Д. Сазонову на Мирном Конгрессе и для представительства и защиты на нем интересов Кубанского Края». Возглавлял ее Быч, а заместителем его был Н. С. Долгополов, который, впрочем, почти сразу же по приезде в Париж вышел из состава делегации, в корне расходясь с политикой Быча. Путешествие делегации длилось семьдесят пять дней. Уже в пути она стала проявлять кипучую деятельность: делала публичные политические заявления, писала пространные меморандумы, жалобы и пр.

«Прибыв, наконец, в Париж, делегация издала 16 апреля 1919 года свой основной меморандум на восьми больших печатных на машинке страницах». В нем излагались география и история Кубанского Края. Но Кубань и казаки резко противоставлялись обще-русскому населению. «О совместной борьбе против большевиков казаков и другой русской половины кубанского населения ограничились странным умолчанием», а «солидарность в борьбе была высказана лишь в отношении «естественных» союзников Кубани — Дона и Украины. К чему же сводилась просьба делегации? Не больше, не меньше, как к признанию Кубанского Края самостоятельным государственным образованием. Вместе с тем делегация просила о «моральной поддержке нашему правительству» и об оказании ему помощи.

Разумеется, все это ни к чему не привело, за исключением развала самой делегации. Но одним из трагических последствий выступлений Быча и его друзей была казнь Калабухова, который разделял и поддерживал их политическую линию. Это — одна из печальных страниц истории борьбы с большевизмом.

Воспоминания Д. Е. Скобцова, думаю, заинтересуют не только кубанцев, но и всех, принимавших участие в гражданской войне.

С. В.

18/9/65